

С -
+81
Владимир
Солоухин

ПИСЬМА
ИЗ РУССКОГО
МУЗЕЯ

ЧЕРНЫЕ
ДОСКИ

ВРЕМЯ
СОБИРАТЬ
КАМНИ

М
V
Москва
«Молодая гвардия»

1990

Оренбургский институт истории и культуры

АКСАКОВСКИЕ МЕСТА

Надо было бы написать в начале очерка в духе неторопливой, обстоятельной и дотошной аксаковской манеры: «приступ». Помнится, именно так и начинаются у Аксакова некоторые главы в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии»: «Приступ к описанию болотной дичи», «Приступ к описанию водяной дичи». Да и как хорошо! Приступ. Объяснить сначала, почему и зачем, и где будет происходить дело, и какое дело, и как оно началось, в какой обстановке, что ему предшествовало, а там и пойдет по порядку разматываться клубок. А приступ — это вроде как найти в клубке свободный конец. Ведь должно же начинаться с чего-то всякое дело, хотя бы и вот эти записки. Словечко «приступ» дает и ритм, сообщает рассказу неспешность, во всяком случае последовательность. Нельзя, написав «приступ», скомкать затем все, перескакивая с пятого на десятое.

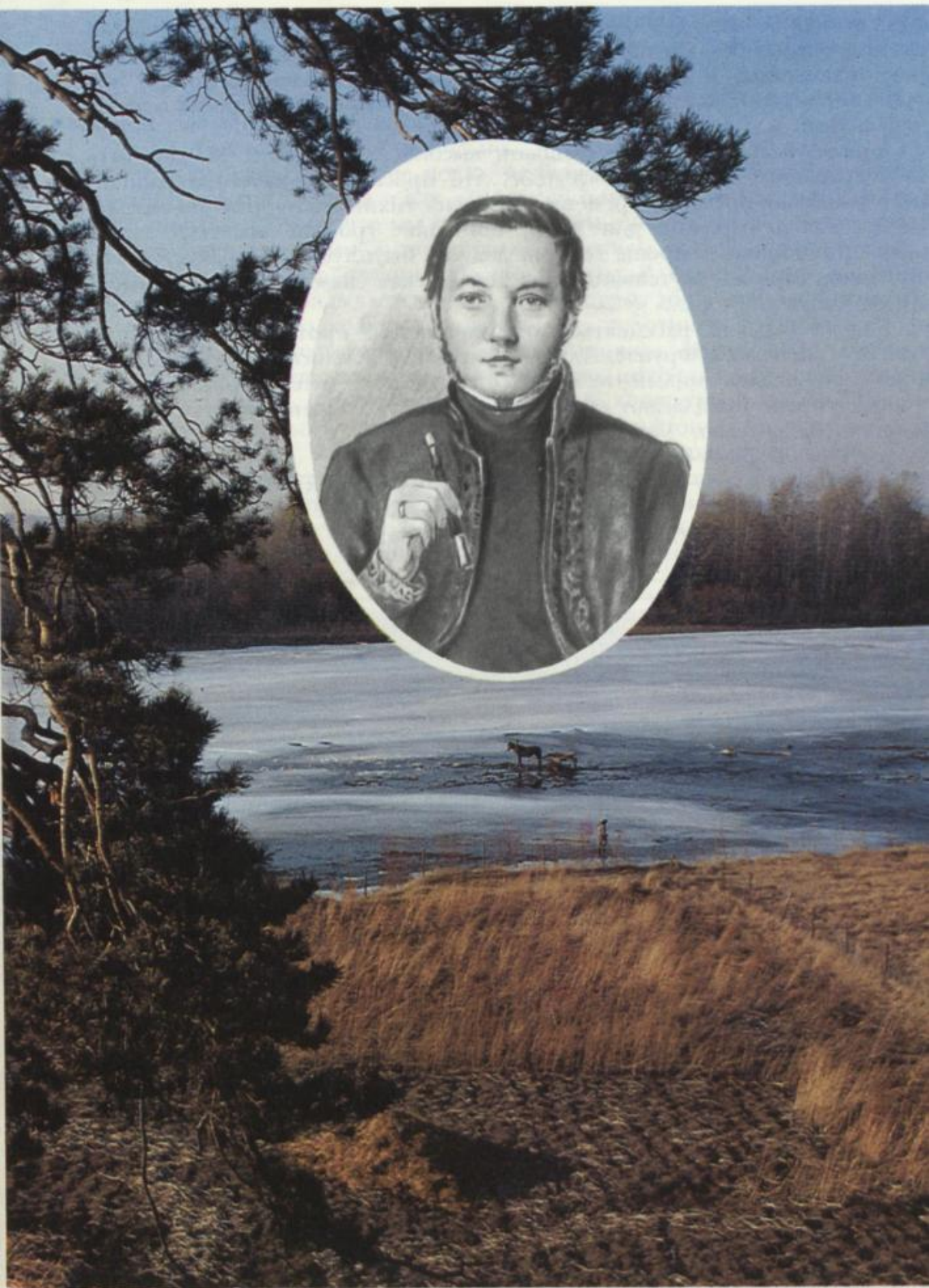
Можно было бы начать и так: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...» на первую декаду декабря одна из южных республик, примыкающая к Каспию, затеяла у себя грандиозный литературный праздник. Гостей пригласили человек полтора, из Москвы, из других союзных республик, из других стран. Сквозь пасмурные деньки Подмосковья мерещились синее небо, жара, какой у нас не дожدهшься и в разгаре лета, яркие цветы (розы да гладиолусы), яркие лица, кортежи машин от аэропорта до гостиницы, от гостиницы до Оперного театра, а затем по разным районам республики, где опять — яркие лица, одежды, цветы и речи, не говоря про застолья, тоже с яркими красками и яркими ароматами.

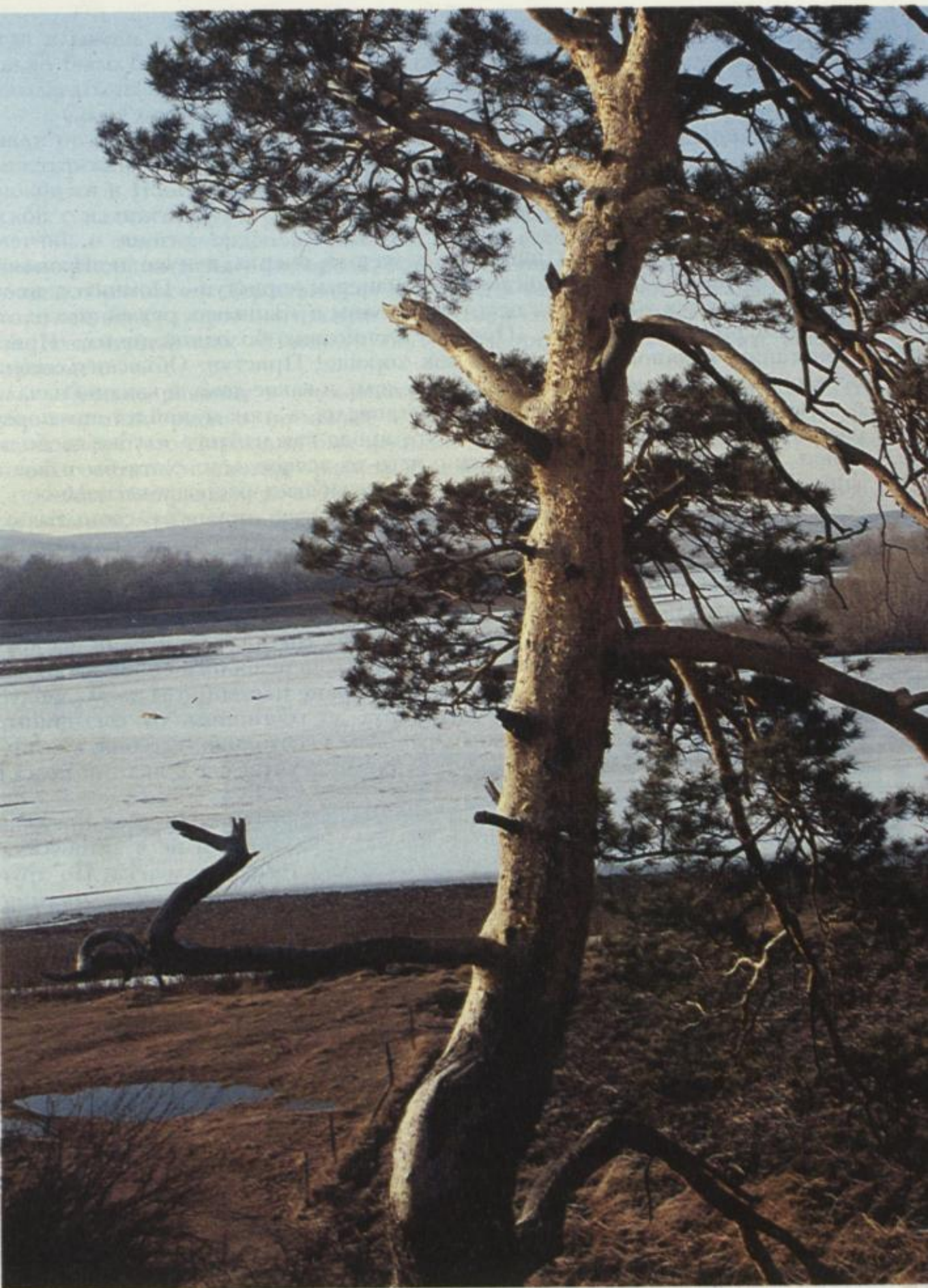
Как мне рассказывали потом, так оно все и было. И даже превзошло ожидания. Съехавшихся на празднество писателей возили не в автобусах, но распределили по машинам, по «Волгам», по три-четыре человека. По другим сведениям, за каждым писателем закрепили машину. В номерах гостиницы постоянно стояли на столе и обновлялись разнообразные напитки в бутылках. Бесплатно. Благоухающие шашлыки, шкворчащие цыплята, струящийся гранатовый сок, сочная зелень.

— Ну, а ездили по республике-то?

— Как же! Ездили. То есть как ездили? Отъездом километров тридцать от места, на дороге стоят жители следующей деревни, пионеры с букетами, седовласые старики с подносами в руках. Хлеб-соль. Виноград и прочие фрукты. Рукопожатия, объятия, приветственные речи. Звучат стихи и песни. Сияют улыбки. Сияет чистое небо. Сияет красное солнце. Сияют на солнце легковые машины. А потом вечера, большие встречи с трудящимися, с колхозниками, с нефтяниками, с рыбаками... Нет, ты зря не поехал.

Да, а я не поехал. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел... Ибо перед этим был еще один подобный соблазн в еще более отдаленную, но не менее яркую республику, с белоснежными вершинами и зелеными пастбищами, с медленными ледниками и бурными реками. А чуть позже нависала еще одна поездка, как ни странно, еще более яркая, связанная со столетним юбилеем одного восточного классика.

Я наверное знаю, что многие собратья по перу очень любят участвовать в подобных поездках. И надо участвовать, надо крепить дружеские, братские отношения. Я и участвовал не щадя живота своего, но вот уже несколько лет затормозил перед лицом все быстрее убывающего песка в песочных часах. Ведь что бы ты ни делал, а песок течет...

Может быть, я тут взял слишком высоко и патетично. Может быть, просто с возрастом стало казаться тебе, что просидеть неделю за рабочим столом, взглядывая время от времени в окно на тихий пасмурный подмосковный денек, как-то отраднее для души, чем яркие громкие всплески торжественных праздников. А проще говоря, должно быть, устал. Играйте, друзья мои, без меня. Мне же в утешение остается детская сказочка: «Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...»

Как же было не рассмеяться, отказавшись на протяжении последних двух лет от Ташкента и Фрунзе, Алма-Аты и Баку, Тбилиси и Еревана, когда в трубке послышался милый голосок сотрудницы «Литературной газеты» и я понял, что мне предлагают съездить на неделю в Оренбургскую область, в городишко Бугуруслан.

— Что?! В Бу-гу-рус-лан?

— В Бугуруслан,— так же мило подтвердил голосок сотрудницы, назвавшейся Таней.— Хотите, я пришлю вам письмо, которое держу в руках?

— Сначала, может, вы мне скажете все же, что я не видел в этом... Бугуруслане?

— Скажу. Вы не видели, в каком состоянии находится там бывшее имение Аксакова. И что делается, чтобы его сохранить. И что с этим можно сделать.

Таня дала мне вымолчаться всласть, а потом произнесла без вопросительной уже интонации:

— Так я пришлю вам письмо...

...Сотрудница Таня не могла, разумеется, знать в полной степени, что означает для меня Аксаков и как для русского человека, и как для литератора-профессионала. Потому что мы сами не можем оценить ни влияния, оказанного на нас тем или иным литературным явлением, ни его полного значения в организации нашего сознания. Да нет и меры. Влияние одного человека на душу другого не укладывается ни в сантиметры, ни в граммы, ни хотя бы (более красивое и подходящее словечко) — в золотники.

Сначала существует просто слово «Аксаков». Может быть, для некоторых оно так и просуществует только как слово, не пустое, впрочем, а содержащее в себе вполне определенное явление и конкретный смысл. Так часто бывает с популярными словами. Можно не знать тонкости, что там открыл и где путешествовал, например, Седов. Но как только произнесут имя «Седов», так человек и скажет: «А, это что-то полярное. Арктика. Ледовитый океан». Напротив, при упоминании об Аксакове ни у кого уж не возникнет представления о белых медведях и торосах. Аксаков? Ну а как же — Аксаков... Это наша, русская, родная природа. Человек по стечению обстоятельств мог не читать

ничего из Аксакова, но все равно представление о нем как о певце родной природы существует у человека как-то само собой, неизвестно откуда взявшись, будто он с этим готовым представлением народился на свет.

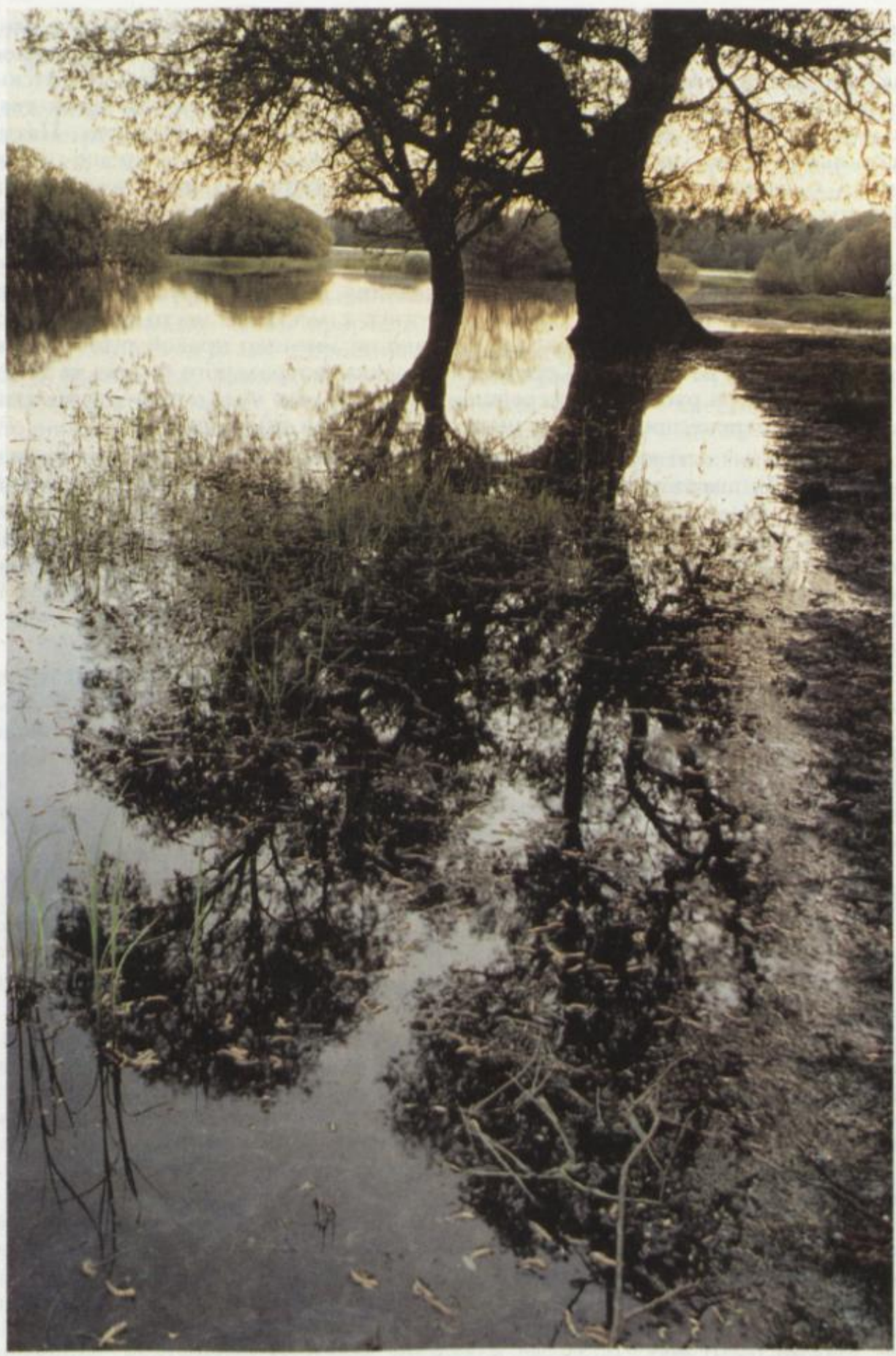
Так было сначала и у меня. В первые пятнадцать довоенных лет моей жизни, живя в деревне, учась в средней школе, я как-то не удосужился прочитать Аксакова. Возможно, и не было его в скудной школьной библиотеке. Да и очередность. Надо прочитать Пушкина с Лермонтовым, надо Гоголя с Тургеневым, надо Некрасова с Гончаровым, хотя бы сон Обломова в пределах школьной программы, а там надо еще читать настойчиво рекомендованные в школе «Бруски» Панферова, «Красный десант» и «Чапаев» Фурманова, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева... Да еще (уж без школьной рекомендации) — «Три мушкетера», «Отверженные», «Собор Парижской богородицы», «Человек, который смеется», «Таинственный остров», «80 тысяч километров под водой», «Всадник без головы», «Последний из могикан»... Да еще весь Джек Лондон, да еще «Борьба миров» и «Человек-невидимка»... Нет, как-то так получилось, что в первые пятнадцать лет моей жизни не дошел черед до Аксакова. Но и то сказать — есть уважительная причина, смягчающее вину обстоятельство: в школе не проходили. И даже не упоминали. А слово между тем уже было — Аксаков. Откуда же взялось? Загадка и тайна. Из воздуха. Само зародилось в сознании. Но свидетельствую, что было. Не читал пока, но знал, что Аксаков на свете есть.

Жаров и Безыменский в школьной программе были. Демьян Бедный в программе был. А вот Аксакова — повторяю — не было. Да что школа? Есть ведь литературоведение. Культурный процесс. МГУ. Педагогические вузы с литературными факультетами. Сколько критиков и ученых! Так вот, современный исследователь Аксакова и автор монографии о нем С. Машинский утверждает (цитирую из предисловия к четырехтомному собранию сочинений С. Т. Аксакова, 1955 год): «Трудно найти другого крупного писателя XIX века, творчество которого было бы изучено так недостаточно. Его литературное наследие не собрано, многие произведения, затерянные в современных ему журналах и газетах, не выявлены; не учтены и те произведения, которые не были опубликованы при жизни автора и до сих пор остаются достоянием архивов.

С. Т. Аксаков — трудный для осмысления писатель. К тому же отсутствуют традиции в его изучении. Его имя давно не привлекало к себе внимание исследователей. За советские годы о нем не вышло ни одной книги, даже брошюры».

Парадокс: внимание исследователей имя Аксакова давно уже не привлекало, а в сознании людей существует. Да полно, не привлекало ли? А если привлекало, почему не исследовали? Не трудность же осмысления, на которую указывает Машинский, отпугивала возможных исследователей. Все-таки, как ни дорог, как ни бесценен для нас Аксаков, признаем, что все-таки — не Шекспир, не Гёте, не Бальзак и не Гамсун. «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука» — неужели так уж трудны для осмысления, что ни один литературовед не дерзнул приблизиться и осмыслить?

Ну вот. В институтской программе, в Литературном институте имени Горького при Союзе советских писателей, Аксакова тоже не было. Но существовал, пока еще не читанный. И не только потому, что во время студенческой прогулки могли забрести в Абрамцево, то есть в бывшее имение Аксакова, перешедшее потом к Мамонтову и связанное мемориально с крупнейшими деятелями отечественной культуры, как-то: Васнецов, Врубель, Серов, Корвин, Поленов, Нестеров. И не только потому, что соседствовал с нашим

институтом бок о бок Камерный театр (теперь Театр имени Пушкина) и однажды, когда заболел профессор Галицкий (западная литература) и освободилось два часа дневного времени, по какому-то наитию я взял да и пошел на детский утренний спектакль (пятнадцать шагов от ворот института до входных театральных дверей), а давали в то утро «Аленький цветочек» Аксакова. Пятнадцать шагов — не один ли шаг? Вот именно, сделал один шаг, а проще говоря, шагнул с Тверского бульвара, с асфальтового тротуара, с московской улицы 1946 года, из нашего общежития в подвале, от керосинок и хлебных карточек, от перловой крупы и порошкового киселя, от потоков автомобилей и от душных шашлычных — из всей характерной московской действительности 1946 года шагнул — и очутился как по волшебству совсем в другом мире. Там, в сказке, девице-красавице, чтоб перенестись с места на место за тридевять земель, надо было надевать золотое колечко на мизинец правой руки, мне же и колечка не потребовалось. Сероватая бумажка театрального билета за десять рублей, то есть за рубль по-теперешнему, — вот и весь чудодейственный талисман, тотчас перенесший меня в иные времена и в иной мир.

Дело не в театральном представлении. Не в первый же раз пришел я в театр? Да шастали и по киношкам, где тоже ведь можно перенестись на время черт знает куда. Дело все было в атмосфере сказки, в той ласковой русскости, в которую я погрузился и которая тотчас пробудила в душе добрые и светлые чувства. Так резок был контраст, так велико расстояние от атмосферы до атмосферы, от климата до климата, от чувств до чувств, что сидел не дыша, замороженный, ошеломленный, ошарашенный, чувствуя, как чем-то теплым и светлым оmyвается душа.

Уже теперь, просматривая ради статьи разные материалы, связанные с аксаковскими местами, я напал на маленькую заметочку в газете «Южный Урал» за 1963 год под заглавием «В селе, где зацвел «Аленький цветочек». «Давным-давно в высоком бревенчатом доме, стоявшем в центре села на берегу реки Бугуруслан, метался в жару и страдал от бессонницы семилетний Сережа Аксаков. Для усыпления больного призвали ключницу Пелагею, которая славилась в округе как великая мастерица сказывать сказки.

«Пришла Пелагея, — рассказывал много лет спустя С. Т. Аксаков, — немолодая дородная женщина, села у печки, подгорюнилась одной рукой и начала говорить немного нараспев: «В некиим царстве, в некиим государстве...» И родилась чудесная сказка, творчески обработанная затем писателем Аксаковым. Она известна теперь советским ребятам под названием «Аленький цветочек».

Не «в некиим царстве», а на родине ключницы Пелагеи творят в наши дни сказочные дела земляки Аксакова — колхозники сельхозартели «Родина». Одно из них совершилось днями...» Но стоп. Окончание заметочки мы прочитаем попозже, когда дойдем до нужного места в этой статье. Окончание заметочки побережем, нам оно еще пригодится. А пока подивимся тому, как в бугурусланской глуши восемнадцатого столетия, в бревенчатом, действительно, дому, где старший Аксаков (дед) полуграмотен и деспотичен, а бабка после смерти деда тоскует, потому что «некого теперь стало бояться», как чудесно пророс и расцвел там аленький цветочек, если иметь в виду и саму сказку, если иметь в виду и талант, заронившийся в душу Сережи Аксакова. Из низеньких и тесных крестьянских избышек, по самые крыши заносимых буранами, от хлеба да кваса, от крестьянских работ и холщовых рубах какой силы воображение должно было уносить ту же ключницу Пелагею к царствам заморским, к дворцам беломраморным, к садам, цветущим дивными цветами, к яствам

душистым, к музыке согласной, к жемчугам окатым, к самоцветам горящим, к фонтанам жемчужным, к одеждам атласным...

Но если разобраться, то это все — атрибуты и антураж, необходимые дежурные аксессуары многих сказок. А что же главное в сказке? Ответить на это нетрудно. Главное в ней — доброта и любовь. И то, что нехорошие чувства: зависть, жадность, себялюбие — не торжествуют, а черное зло побеждено. Чем побеждено? Любовью. Добром. Благодарностью. Ну а за этими качествами не надо было ходить ни ключнице Пелагее, ни ее семилетнему слушателю Сереже, ни вообще русским людям в тридевятое царство, в тридесятое государство. Эти качества живут в душе человека, они суть души и ее лучшие побуждения. Они-то и есть тот аленький цветочек, который посеян в душе каждого человека, важно только, чтобы пророс и расцвел.

Может, я и сам сторонник возмездия, сторонник прямой силы в борьбе с силами зла. Может, я и сам закричал бы на месте Алеши Карамазова: «Расстрелять!», может, и правы были готы, когда их крестили в воде, что поднимали над головой и оставляли сухой правую руку с мечом, чтобы эта рука оставалась орудием силы и возмездия. Может, и правы были те, кто в детстве нашем вместо стишков, апеллирующих к добрым движениям души, ну, например:

Вечер был, сверкали звезды,
На дворе мороз трещал.
Шел малютка по деревне,
Посинел и весь дрожал.

Шла старушка той деревней,
Увидала сироту,
Приютила и согрела,
И поесть дала ему...

Может, и правильно делали, что вместо этих стишков учили нас читать наизусть: «Летят самолеты, строчат пулеметы», а также песенкам, где фигурировали тачанки, гранаты, матрос Железняк, юные барабанщики, сабли, кони, а позднее и танки с танкистами...

Но не забыть мне той минуты (тех двух часов), когда я случайно зашел в театр на дневной спектакль и почувствовал, как теплым и светлым омылась моя душа, и увидел, как торжествуют простые, но самые драгоценные, конечно, человеческие качества — доброта, благодарность, любовь.

Сам Аксаков так писал своему сыну Ивану: «Я теперь занят эпизодом в мою книгу: я пишу сказку, которую в детстве я знал наизусть и рассказывал на потеху всем, со всеми прибаутками сказочницы Пелагеи. Разумеется, я совершенно забыл о ней; но теперь, роясь в кладовой детских воспоминаний, я нашел во множестве разного хлама кучу обломков этой сказки, а как она войдет в состав «Дедушкиных рассказов», то я принялся реставрировать эту сказку».

«Во множестве разного хлама» он нашел не просто кучу обломков старой сказки, но драгоценный алмаз, а еще вернее — живой, волшебный аленький цветочек, и вот уже больше ста лет достаточно одного прикосновения к нему, как и в собственном хламе (преимущественно в щебенке) мы обнаруживаем вдруг живые драгоценные ростки, которые способны даже и зацвести, если их обогреть и полить и создать для них соответствующий климат.

Я потом не раз ходил смотреть «Аленький цветочек» в Театре имени Пушкина. И однажды встретил в зрительном зале — кого бы вы думали? — актера этого же театра, замечательного русского советского актера Бориса

Петровича Чиркова. А как мы были с ним (подлаживаясь под стиль Аксакова) немного знакомы, то я и высказал свое удивление.

— И вы будете еще много раз ходить на этот спектакль, независимо от своего возраста. Может, еще и стариком придете когда-нибудь. Каждый возраст находит в этой сказке себе отраду. Бессмертная и красивая сказка. А главное — добрая.

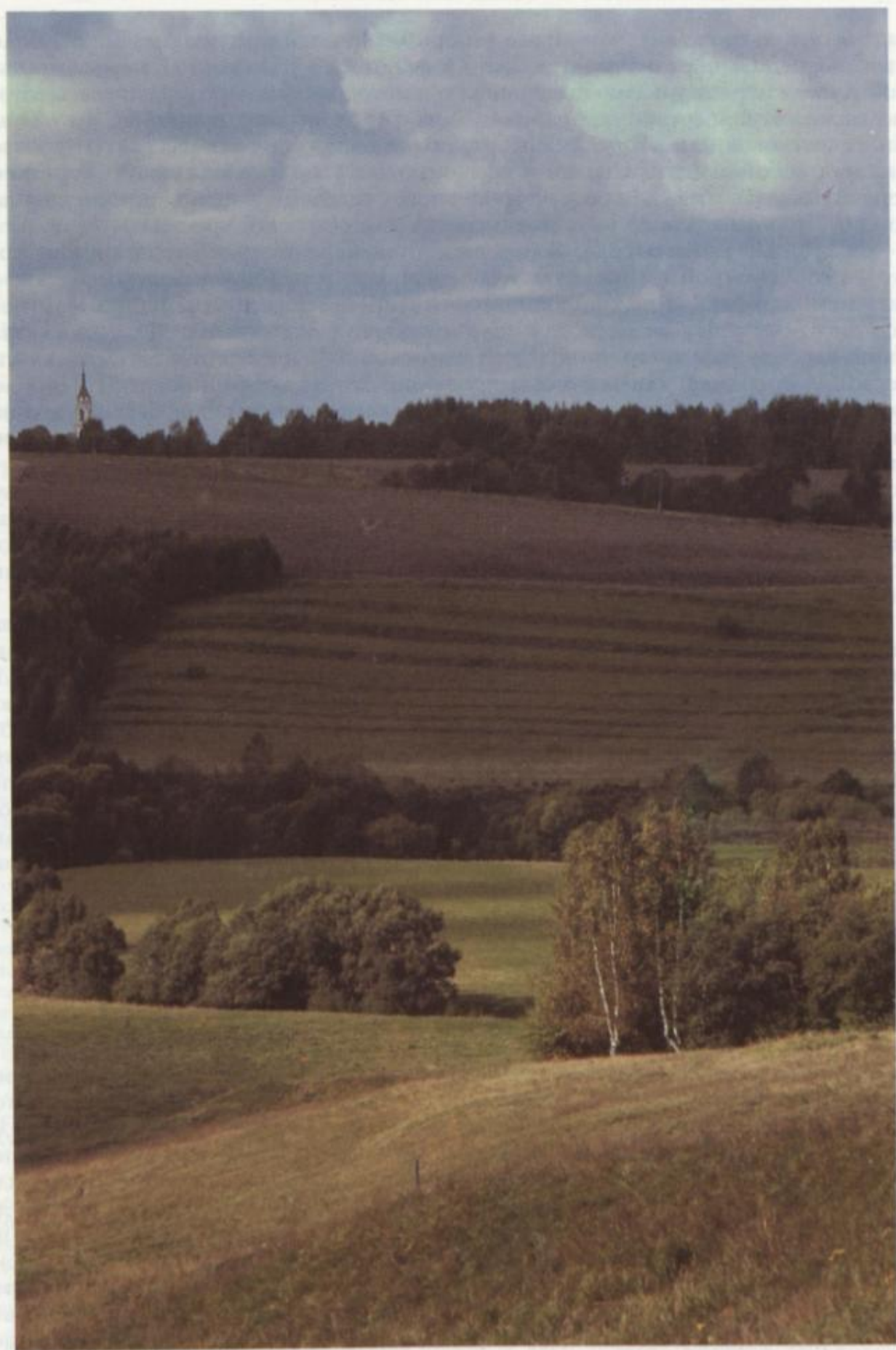
Подобное чудодействие производят и остальные (главные) произведения Сергея Тимофеевича Аксакова. Надо ли говорить, что в тот год, уезжая на каникулы в деревню, я захватил с собой тяжелый однотомник этого писателя. Тут-то и состоялась моя долгожданная с ним настоящая встреча.

Аксаков своими корнями уходит в восемнадцатый век. И неудивительно. Успел девять лет пожить в восемнадцатом веке (1791 год рождения), да надо еще иметь в виду, что старое столетие, сохраняя инерцию, не сразу, не в один год уступило свою атмосферу новорожденному девятнадцатому. Да надо еще иметь в виду, что атмосфера нового века не сразу распространилась из обеих столиц до Самары, до Уфы, до Оренбургских степей.

Удивительно другое, а именно то, что, уходя корнями (и лексикой) в восемнадцатый век, Аксаков своими ветвями достигает до нас, и, дотрагиваясь до этих ветвей, мы видим, что это не какой-нибудь омертвевший сушняк и хворост, а живые полнокровные ветви.

Вращаясь среди литераторов-профессионалов, то есть среди по крайней мере квалифицированных читателей, убеждаешься на их опыте, если не

доверять только своему, что не все теперь легко и с удовольствием, а тем более с наслаждением перечитывается. Если в двадцатый раз можно с первозданным увлечением перечитывать «Капитанскую дочку», вообще прозу Пушкина, включая даже «Путешествие в Арзрум», или «Героя нашего времени», то «Юрия Милославского» или «Князя Серебряного» можно перечитать, только употребив над собой власть. Страшно подумать, но уже большая часть Тургенева перечитывается без живого и трепетного увлечения и что просвещенные романы Чернышевского не хотят перечитываться, хоть тресни...

Да что там классика! Я недавно хотел перечитать «Бруски» и еще кое-что из современной им и сопутствующей прозы и потерпел фиаско. Да что — умершие корифеи? Я недавно взял для интереса несколько романов живущих еще писателей... Ну да ладно, не то в предмете нашей статьи. Я хотел сказать лишь, что Аксаков с его почти допушкинской лексикой читается сегодня так же живо, сохраняя для нас все то же очарование и обаяние, как и сто лет назад. Тут какой-то секрет, какая-то загадка, непонятное волшебство художника, тут кудесничество, которое нельзя объяснить никаким психологическим анализом.

Известно, что молодежь овладевает теперь скоростным методом чтения. Моя дочь читает в восемь раз быстрее, чем я. Есть у меня еще одна знакомая, которая привыкла читать, что называется, по диагонали и ведь успевает схватить основное содержание, информацию, содержащуюся на таким методом прочитанных страницах.

Переспрашиваю, экзаменуя — схватила. И вот даю для эксперимента Аксакова. Не будем ставить в упрек молодой читательнице, что Аксакова она до сих пор не читала. Я и сам, как помним, уже в студенческом возрасте... Да и многие, подобно мне, тогдашнему, знают, что такое Аксаков, представляют себе его место в русской литературе, а читать... Не будем строго судить. Так вот, для эксперимента даю Аксакова читательнице, которая привыкла читать быстро, по диагонали, глотать целиком, схватывая информационную сторону произведения. Наблюдаю: вот сейчас должна перелистнуться страница, потом другая. Скоростной метод чтения. Двадцатый век. Нет, страница не перелистывается. Страница читается медленно, с прочитыванием каждой строки, каждого слова. Только время от времени слышатся восклицания:

- Какая прелесть!
- Какое очарование!
- Господи, хорошо-то как!
- Слушай, да он волшебник, кудесник!

Но отступим немного от художественных достоинств аксаковской прозы и сначала уясним для себя с удивлением, что столь драгоценного и неповторимого явления, как Аксаков, в отечественной литературе очень легко могло не быть. Имеются в виду не крайности (мог не родиться такой вот мальчик Сережа, мог умереть в детстве, мог утонуть двадцатилетним во время переезда через Волгу и т. д.), но имеется в виду то простое обстоятельство, что до пятидесятичетырехлетнего возраста этот человек писателем фактически не был. Точнее, Аксаковым не был. А еще точнее, был и Аксаковым и писателем, да ничего пока до своего пятидесятичетырехлетнего возраста аксаковского не написал. Того, что подразумевается, когда произносится имя «Аксаков». А пятьдесят четыре года — не риск ли? Многие состоявшиеся, немаленькие, даже и великие писатели умирали гораздо раньше этого возраста, до которого Сергей Тимофеевич, так сказать, испытывал судьбу и ее терпение.

Правда, маленький очерк «Буран» опубликован без подписи автора в альманахе «Денница» в 1834 году. Правда, комментаторы говорят, что «Буран» как бы знаменовал рождение в нем (Аксакове) крупного художника-реалиста и открывал прямую дорогу к «Семейной хронике» и «Детским годам Багрова-внука». Правда, по свидетельству С. Машинского, «первым это описание (бурана) оценил Пушкин. Свидетельство тому — знаменитое изображение снежной метели во второй главе «Капитанской дочки», несомненно, вдохновленное Аксаковым. Достаточно лишь сопоставить соответствующие места обоих произведений, чтобы почувствовать, насколько Пушкин был близок — даже в текстуальном отношении — к автору «Бурана»*.

Может быть, это все и так, но, во-первых, и «Буран»-то появился в 1834 году, когда Аксакову было уже сорок три года; во-вторых, это теперь легко говорить, что «Буран» «знаменовал рождение и открывал прямую дорогу», но основных произведений, родившихся десять-пятнадцать лет спустя, легко могло бы не быть, как увидим дальше, и тогда «Буран», что называется, повис бы в воздухе, и ничего бы ровно не знаменовал, и ни к чему прямой дороги не открывал. В-третьих, этот маленький очерк в 1834 году написан случайно, по просьбе и под нажимом Максименко, для очередного номера альманаха и был исключением в работе самого Аксакова, считавшего основным своим делом театральные обозрения и переписку с друзьями, хотя бы и такими, как Гоголь.

Ну записал живую картинку оренбургской природы, ну так что из того — безделушка же. Даже публикует без своей подписи. В-четвертых, что такое «Буран»? Девять страничек типографского текста, не «Горе от ума» ведь, не «Княжна Мери» или «Тамань». Этюд, как сказали бы мы сейчас — зарисов-

* Как говорится, за что купил, за то и продаю. Цитата из Машинского точная. Разумеется, работая над очерком, я не мог не сопоставить два текста, хотя бы из собственного интереса. Про текстуальное совпадение, пожалуй, слишком сильно сказано. По духу же и по интонации оба текста действительно близки. Тут, по-моему, надо учитывать и дополнительные обстоятельства: описывается одно и то же явление природы — стихия метели. В одних и тех же местах — в Оренбуржье. «Капитанская дочка» написана как бы от имени Гринёва, то есть человека восемнадцатого столетия, и Пушкин сознательно стилизовал свою повесть под восемнадцатый век, в то время как Аксаков своим стилем невольно тяготел к той эпохе. На второй же странице Пушкинской повести читаем фразу: «Но как вино подавалось у нас только за обедом, и только по рюмочке, то мой Боже очень скоро привык к русской настойке» и т. д. Модель, не свойственная Пушкину в других, не стилизованных под восемнадцатый век повестях, но то и дело встречающаяся у Аксакова. Так что сходство сопоставленных С. Машинским мест могло быть и случайным. Но, может быть, он и прав. Внезапность бурана в тихой и спокойной перед этим степи в обоих текстах действительно совпадает. Притом что у Пушкина пейзаж и обстановка играли служебную роль в повести, и он в описании их очень краток, Аксаков же описывает на девяти страницах буран из чисто живописных соображений, исключительно ради описания бурана. Очерк был замечен и критикой. В частности, его расхвалил «Московский телеграф»: «Мастерское изображение зимней выюги в степях оренбургских... Если это отрывок из романа или повести, то поздравляем публику с художественным произведением».

Как бы то ни было, вот оба места у Аксакова и Пушкина, о которых идет речь.

Аксаков. «Быстро поднималось и росло белое облако с востока, и когда скрылись за горой последние бледные лучи закатившегося солнца — уже огромная снеговая туча заволочла большую половину неба и посыпала из себя мелкий снежный прах... Снеговая белая туча, огромная как небо, обтянула весь горизонт, и последний свет красной догоревшей вечерней зари быстро задержало густою пеленою. Вдруг настала ночь... Наступил буран со всей яростью, со всеми своими ужасами... Все слилось, все смешалось... земля, воздух, небо превратилось в пучину кипящего снежного праха...»

Пушкин. «Облачко обратилось в белую тучу, которая тяжело поднималась, росла и постепенно облегла небо. Пошел мелкий снег — и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель. В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

ка, еще целых двенадцать лет не подкрепленная ни одной художественной строкой писателя.

В двух словах путь Аксакова к своей «аксаковской» прозе был таков.

Начать с того, что мальчик умирал в результате затяжной, полутороговой болезни.

«Я иногда лежал в забытии, в каком-то среднем состоянии между сном и обмороком; пульс почти переставал биться, дыхание было так слабо, что прикладывали зеркало к губам моим, чтобы узнать, жив ли я; но я помню многое, что делали со мной в то время и что говорили около меня, предполагая, что я уже ничего не вижу, не слышу и не понимаю,— что я умираю. Доктора и все окружающие давно осудили меня на смерть».

Родственница Чепрунова советовала матери мальчика: «Ведь уж и доктора и священник сказали тебе, что он не жилец. Покорись воле божией: положи дитя под образа, затепли свечку и дай его ангельской душеньке выйти с покоем из тела. Ведь ты только мешаешь ей и тревожишь ее, а пособить не можешь...» Но с гневом встречала такие речи моя мать и отвечала, что покуда искра жизни тлеется во мне, она не перестанет делать все что может для моего спасенья».

Куда-то мальчика повезли, и дорогой ему стало совсем уж плохо. «...Почувствовал я себя так дурно, так ослабел, что принуждены были остановиться; вынесли меня из кареты, постлали постель в высокой траве лесной поляны, в тени деревьев, и положили почти безжизненного. Я все видел и понимал, что около меня делали. Слышал, как плакал отец и утешал отчаянную мать, как горячо она молилась, подняв руки к небу. Я все слышал и видел явственно и не мог сказать ни одного слова, не мог пошевелиться.— И вдруг точно проснулся и почувствовал себя лучше, крепче обыкновенного. Лес, тень, цветы, ароматный воздух мне так понравились, что я упросил не трогать меня с места. Так и простояли мы тут до вечера. Лошадей выпрягли и пустили на траву близехонько от меня, и мне это было приятно. Где-то нашли родниковую воду; я слышал, как толковали об этом; развели огонь, пили чай... Я не спал, но чувствовал необыкновенную бодрость и какое-то внутреннее удовольствие и спокойствие, или, вернее сказать, я не понимал, что чувствовал, но мне было хорошо... На другой день поутру я чувствовал себя также свежее и лучше против обыкновенного... Мне становилось час от часу лучше, и через несколько месяцев я был уже почти здоров, но все это время от кормежки на лесной поляне до настоящего выздоровления почти совершенно изгладилось в моей памяти».

Итак, природа исцелила безнадежно больного мальчика. Или скажем осторожнее — среди природы, на лесной поляне, в тени деревьев, где цветы и родниковая вода, под небесным синим пологом произошел изначальный толчок исцеления, начался процесс исцеления будущего чудесного певца природы. Я не хочу сказать, что Аксаков потом из чувства благодарности или из чувства неоплатного долга воспевал природу, но, видимо, она тогда так наполнила собой умиравшего мальчика и душу его, вошла в него такой благодатью, так он слился и растворился в ней, что это осталось на всю жизнь обостренным чувством родной природы, ее тихой прелести, ее красоты, ее души.

Талантливость ребенка, а потом и юноши проявлялась по обочинам, по окольным путям. С детского возраста он умел и очень любил выразительно читать, декламировать. Эту любовь и способность он пронес через всю жизнь. Между прочим, на этой декламации состоялось знакомство Аксакова с ветхим уже Державиным, которому молодой человек декламировал и читал часами,

и так волновал патриарха отечественной поэзии выразительным чтением, что доктора запретили в конце концов Аксакову не только декламировать, но и приходить к Державину.

Все это будет потом обстоятельно записано под названием «Знакомство с Державиным». Советую прочитать.

Об этом можно бы и не говорить: подумаешь, какой талант читать чужие стихи, но поскольку пишущий эти строки тоже когда-то начинал с декламации, с чтения чужих стихов на школьных вечерах, а потом на разных самодеятельных и агитбригадных, то он может засвидетельствовать, что подобное чтение чужих стихов развивает в человеке два качества, которые могут и не пригодиться никогда, если человек не начнет писать сам, но могут оказаться весьма драгоценными, коль скоро человек сам попытается взяться за перо. Эти качества вот какие. Во-первых, вырабатывается как-никак чувство слова. Одно дело просто прочесть стихотворение или прозаический отрывок глазами, а другое дело выучить его наизусть и потом много-много раз опробовать, так сказать, на разных слушателях. Начинаешь понимать, какое слово как звучит, какое слово на своем месте, а какое не очень на своем или даже вовсе лишнее. Второй чрезвычайно важный момент для будущего писателя тот, что вырабатывается ощущение слушателя, ощущение аудитории, внутреннее, подсознательное, быть может, ощущение, что именно этим слушателям интересно, а что не интересно. Надо ли говорить, что писатель, когда пишет, должен держать перед мысленным взором некую аудиторию читателей, которые будут

его потом читать. Так что качество ощущения аудитории и того, что ей будет интересно, а что не интересно, весьма драгоценно для писателя, а именно оно-то и вырабатывалось у Сережи Аксакова, когда он много и самозабвенно декламировал Державина, Сумарокова, Хемницера, Княжнина, Дмитриева.

С детства у Аксакова наблюдались способности к изображению других людей, подражание их разговорам, передразнивание. Он так умел изобразить того или иного из родственников, что все покатывались со смеху. Это развило в нем постепенно артистические способности, о которых впоследствии свидетельствовали все знавшие Аксакова. Он участвовал во многих любительских спектаклях (в частности, в доме знаменитого Шишкова), причем все жалели, что дворянское звание не позволяет Аксакову стать профессиональным актером. Из этого произошло то, что Аксаков всю жизнь знал и любил театр и всю жизнь писал о нем в журналы, так что до пятидесятичетырехлетнего возраста театральные обозрения были основным литературным занятием Аксакова.

С детства Аксаков был и превосходным рассказчиком. Рассказывал ли он маменьке, как они с отцом удили рыбу, рассказывал ли он потом Гоголю о своих молодых годах, все выходило ярко, образно и заражало слушателей. Ведь именно по поводу своих устных рассказов Аксаков сформулировал впоследствии как бы писательское кредо: «Воротясь в Багрово, я не замедлил рассказать подробно обо всем происходившем в Старой Мертвинке сначала милой моей сестрице, а потом и тетушке. По моей живости и непреодолимому безотчетному желанию передавать другим свои впечатления с точностью и ясностью очевидности, так чтобы слушатели получили такое же понятие об описываемых предметах, какое я сам имел о них,— я стал передразнивать сумасшедшего Ивана Борисовича в его бормотании, гримасах и поклонах».

(Между прочим, середину этой фразы, а именно выделенные здесь слова, я однажды вылутил из аксаковского текста, взяв эпиграфом к «Капле росы», и они, освобожденные от подробностей, стали звучать действительно как четко сформулированное высказывание Аксакова о своем писательском методе.)

Итак, непреодолимое и безотчетное желание передавать другим свои впечатления... Но это же основной стимул работы писателя! Значит, писатель жил в Аксакове с детства, да только очень долго ждал своего часа.

Гоголь, слушая устные рассказы Аксакова, не раз уговаривал Сергея Тимофеевича взяться за перо и записать свои воспоминания. Есть литературный документ на этот счет, письмо Гоголя к Аксакову, посланное из Остенде.

«Мне кажется, что если бы вы стали диктовать кому-нибудь воспоминания прежней жизни вашей и встречи со всеми людьми, с которыми случилось вам встретиться, с верными описаниями характеров их, вы бы усладили много этим последние дни ваши, а между тем доставили бы детям своим много полезных в жизни уроков, а всем соотечественникам лучшие понятия русского человека. Это не безделица и не маловажный подвиг в нынешнее время, когда так нужно нам узнать истинное начало нашей природы...»

Есть и высказывание Ю. Самарина, который хорошо знал и Аксакова и Гоголя и рассказывал так: «Я помню, с каким напряженным вниманием, уставив в него глаза, Гоголь по целым вечерам вслушивался в рассказы Сергея Тимофеевича о заволжской природе и о тамошней жизни. Он упивался ими, и на лице его видно было такое глубокое наслаждение, которого он и сам не

в состоянии был бы выразить словами. Гоголь пристал к Сергею Тимофеевичу и потребовал, чтобы он взялся за перо и записал свои воспоминания. Сначала Сергей Тимофеевич об этом и слышать не хотел, даже почти обижался; потом мало-помалу Гоголю удалось его раззадорить».

Раззадоривание шло на протяжении пятнадцати лет, и, хоть существует мнение, что именно Гоголь подвигнул Аксакова к писательству, на самом деле в жизни произошло все проще и трагичнее. Для нас, впрочем, все обошлось благополучно и счастливо. На шестом десятке лет Аксаков стал резко терять здоровье, в частности он стал слепнуть. Повеяло потусторонним сырым холодком. Для того чтобы как-нибудь украсить свои последние дни, Сергей Тимофеевич решил вспоминать золотое детство, золотые годы, проведенные на оренбургском приволье, на реке Бугуруслане, в селе Аксакове, страстное увлечение удочкой и ружьем, слияние с природой и все благотворство ее и начал диктовать (писать он уже не мог по слепоте своей) «для освежения впечатлений и собственного удовольствия», для того, чтобы снова все пережить наяву, вспомнить о незабвенных днях. То есть, грубо говоря, Аксаков взялся за писательство в строгом смысле этого слова, когда, как принято говорить, петух уже клюнул в темечко.

А без этого — ну что же... Конечно, современник Гоголя и его друг. Пописывал театральные обозрения. Был бы известен тонким специалистам, изучающим ту эпоху наряду ну там... с Шевыревым, Погодиным, Шаховским, Кокошкиным, Панаевым, Самариным, Надеждиным, Кавелиным, Максименко... Но Аксакова, сегодняшнего, нашего Аксакова, разумеется, не было бы.

Книг, которые превратили Аксакова из дилетанта, сочиняющего незначительные стихи и театральные рецензии, в крупнейшего русского писателя, которые сразу по мере выхода их в свет привлекали к себе всеобщее внимание читателей и писателей, книг, которые вошли в золотой фонд отечественной словесности, всего четыре. Причем две из них вроде бы нельзя и отнести к литературе. Но тем не менее они чудесным образом к ней относятся.

«Записки об ужении рыбы» — 1848 год.

«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» — 1852 год.

«Семейная хроника» и «Воспоминания» — 1856 год.

«Детские годы Багрова-внука» — 1858 год.

Видим, что публикация всех четырех книг уложилась в десятилетие. В 1848 году Аксакову было пятьдесят семь лет, в 1858 году — шестьдесят семь, а в 1859 году он уже умер.

Итак — последнее десятилетие семидесятилетней жизни. Вот что мы имели в виду, говоря несколько ранее, что столь драгоценного и неповторимого явления, как Аксаков, в отечественной литературе могло бы не быть.

Шумный успех встретил как первую, так и все последующие книги писателя, успех, которого он сам не ожидал и не мог предвидеть. Конечно, он знал, что пишет не просто техническое пособие для удильщиков и охотников. Из письма Гоголю: «Я затеял написать книжку об ужении не только в техническом отношении, но в отношении природы вообще; страстный рыбак у меня также страстно любит и красоты природы; одним словом, я полюбил свою работу и надеюсь, что эта книжка не только будет приятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлениям раннего утра, позднего вечера, роскошного полдня... Тут займет свою часть чудесная природа Оренбургского края, какою я зазнал ее назад тому сорок пять лет. Это занятие оживило и освежило меня...»

О второй книге сыну Ивану (тому, имени которого существует улица в столице Болгарии Софии): «С удовольствием воображаю, как я стану читать

тебе свои записки. Хотя и не всем доволен, но убежден, что в них много достоинства: для охотника с душою, натуралиста и литератора. Я постоянно удерживаю себя, чтобы не увлечься в описание природы и посторонних для охоты предметов, но Константин и Вера сильно уговаривают, чтобы я дал себе волю: твой голос решит это дело. Боюсь как огня старикинской болтливости, которая как раз подумает, что все ей известное никому не известно и интересно для всех».

Если бы меня попросили назвать главное качество аксаковских книг, притом одно, я был бы недоволен, неточен, но я назвал бы — душевное здоровье. Душевное здоровье, которое невольно переливается в читающего эти книги, заражает (если можно так сказать о здоровье) и наполняет его. Отступают на второй план суета, нервозность, всякая мелочность, торопливость, мельтешение, все, что мешает нам взглянуть вокруг ясными и спокойными глазами. Неторопливая манера повествования, ясность мыслей и чувств, чистота языка и яркость его, несмотря на кажущуюся простоту, огромная художественная выразительность при кажущейся незатейливости — все это приводит к тому, что книги Аксакова читаются с наслаждением, и, точно так же, как сам он в раннем детстве, как помним, почти уже без пульса и без дыхания почувствовал вдруг, как в него вливаются непонятные силы природы, когда его положили на траву под дерево на лесной поляне, так и читающий эти книги, издерганный и тоже почти без духовного пульса, вдруг чувствует прилив сил, возвращение бодрости.

Известно, что в шестидесятые годы, когда появлялись одна за другой книги Аксакова, в русской литературе пересекались разные линии и течения. Ибо одно дело — Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Некрасов, а другое дело — правое крыло, хотя бы те же славянофилы. Знаменательно, что в оценке аксаковских книг все сошлись и соединились, выразив полное единодушие. Аксаков, следовательно, затронул у тех и других те глубинные общие струны, которые находятся глубже пусть даже и не поверхностных, а тоже глубоких разногласий. Выпишем некоторые места из предисловия к четырехтомному собранию, а также из комментариев С. Машинского, в которых содержится указание на оценки аксаковских книг его современниками.

«Такой книги у нас еще не бывало». — Тургенев.

«Что за мастерство описаний, что за любовь к описываемому и какое знание жизни птиц! С. Аксаков обессмертил их своими рассказами, и, конечно, ни одна западная литература не похвалится чем-нибудь подобным запискам «Ружейного охотника». — Чернышевский.

«Превосходная книга С. Т. Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» облетела всю Россию». — Некрасов.

«Никто из русских писателей не умеет описывать природу такими сильными, свежими красками, как Аксаков». — Гоголь.

«В его пейзажной живописи, — отмечает Тургенев, — нет ничего ухищренного и мудреного, он никогда ничем не щеголяет, не кокетничает. В самых своих прихотях она добродушна; подобно истинным и сильным талантам, Аксаков никогда не становился перед лицом природы в позу». Тургенев же заметил, что охотничьи книги Аксакова обогатили не только охотничью литературу, но общую нашу словесность.

«Никаких вычуров в рассказе, никакого желания со стороны автора завлечь читателя хитро придуманным действием, но что за удивительное впечатление производит этот маленький рассказ». — Добролюбов, об отрывке из «Семейной хроники». Впоследствии Добролюбов посвятил Аксакову две

известные статьи — «Деревенская жизнь помещика в старые годы» и «Разные сочинения Аксакова».

Герцен назвал «Семейную хронику» огромной важности книгой, а Щедрин — драгоценным вкладом, обогатившим нашу литературу.

«Вот настоящий тон и стиль, вот русская жизнь, вот задатки будущего романа». — Тургенев.

Сопоставляя «Семейную хронику» и «Былое и думы», Тургенев писал Герцену, что «эти две книги представляют собой правдивую картину русской жизни, только на двух ее концах, и с двух различных точек зрения. Но земля наша не только велика и обильна — она и широка, и обнимает многое, что кажется чуждым друг другу».

Анненков справедливо писал о «сладостной русской речи» Аксакова.

«В повести «В людях» (Горький) рассказано о том, как много значили книги Аксакова в истории его духовного развития. Они и некоторые другие книги «вымыли душу, очистили ее от шелухи».

Самой важной чертой «Записок» Аксакова, по его (Панаева) мнению, является то глубокое поэтическое чувство природы, которое свойственно большому художнику, и та удивительная простота в изображении, которая отличает истинные произведения искусства. В этой книге столько простоты, писал Панаев, что ее смело можно променять на десятки так называемых романов, повестей и драм, которые пользовались у нас последнее время довольно значительным успехом. В ней столько поэзии, в этой небольшой книжечке, сколько вы не отыщете в целых томах различных стихотворений и поэм, которые привились и, точно, имеют в себе некоторые поэтические достоинства. Она, может быть, для специалиста, для охотника удить не имеет такого значения, какое имеет для художника, для литератора.

Некрасов писал Тургеневу, что перечитывает книгу Аксакова и что в новом от нее восхищении.

«Эта книга, которую охотник прочтет от первой страницы до последней с пользою и наслаждением, неохотник прочтет с увлечением, как роман». — «Труды императорского Вольного Экономического Общества».

«Он не увлекает нашего внимания рассказами о слонах и тиграх, но так сильно направляет его на предметы, всем нам более или менее известные, что мы не можем оторваться от его увлекательного повествования». — «Журнал охоты».

«В целом репертуаре иной сцены, со всеми ее трагедиями, коллизиями, водевилями и балетами, не примешь такого участия, как в судьбе пернатых жителей болот, степей и леса, описанных автором. Вот что значит знать дело и любить дело: всякая мелочь оживает, и простое описание возвышается на степень искусства». — «Москвитянин».

«Кому еще незнакомо сочинение С. Т. А.-ва, тот не может себе представить, до какой степени оно занимательно, какой обаятельной свежестью веет от его страниц. Эту книгу нельзя читать без какого-то отрадного, ясного и полного ощущения, подобно тем ощущениям, которые возбуждает в нас сама природа: а выше этой похвалы мы никакой не знаем... Слог его мне чрезвычайно нравится. Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Нет ничего вычурного и ничего лишнего, ничего напряженного и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательны. Эта книга охотно написана и охотно читается». — Тургенев.

«Слышал я две замечательные литературные вещи: «Воспоминания детства» С. Т. Аксакова и «Доходное место» Островского. Первая вещь мне показалась лучше лучших мест «Семейной хроники». Нету в ней сосредото-

вающей молодой силы поэзии, но равномерно сладкая поэзия природы разлилась по всему». — Толстой.

Критика писала о беспримерном единодушии похвал. Чернышевский и Добролюбов, Герцен и Салтыков-Щедрин, Л. Толстой и Тургенев — все они оценили книгу Аксакова («Семейная хроника») как событие в русской литературе. Вот несколько характерных строк из неопубликованного письма Шевченко к Аксакову от 4 января 1858 года. «...Я давно уже и несколько раз прочитал ваше известнейшее произведение, но теперь я читаю его снова, и читаю с таким высоким наслаждением, как самый нежный любовник читает письмо своей боготворимой милой. Благодарю вас, много и премного раз благодарю вас за это высокое и сердечное наслаждение».

Слова «чародей» и «кудесник» ничего, конечно, не объясняют. А между тем всегда в отношении аксаковской прозы рядом с восхищением соседствует удивление. Действительно, нет тут ни занимательного сюжета, ни столкновений характеров, ни трагических либо комических ситуаций. Отчего же так интересно? Откуда такое наслаждение читать? Отчего он будит в душе самые дорогие и глубокие струны? Отчего, наконец, его читают с наслаждением люди самых разных, иногда крайних пристрастий и убеждений? Им бы (западникам-то, например) ругаться и критиковать, а они восторгаются и наслаждаются вместе со своими литературными, журнальными, а еще крепче сказать, социальными противниками.

Аксаковский секрет объяснить нельзя, да его, вероятно, и нет. То, что проза его документальная, еще ничего не значит — мало ли на свете скучной документальной очерковой прозы?

Конечно, все писатели делятся на писателей с преобладанием фантазии и писателей, вынужденных довольствоваться лично пережитым и фактическим материалом. Одни легко строят и разветвляют сложные сюжеты, создают множество героев и персонажей (пусть иногда идя от прототипов), выдумывают для своих персонажей разные интересные положения, пересекают в романе разные линии, сталкивают героев в острых конфликтах, а потом разрешают эти конфликты.

Таких писателей большинство. Они, как правило, многотомны. Бальзак и Дюма, Диккенс, Ромен Роллан, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Толстой, Джек Лондон, Чехов... Я называю самые ближние имена, каждый может продолжить этот список. Вторые — менее объемны, их наследие ограничивается нередко всего лишь несколькими корешками. Вероятно, к ним можно отнести Руссо, Пруста, Стерна, Экзюпери, Хемингуэя, Герцена, Куприна, Бунина, Пришвина, Паустовского... Ярким представителем этого ряда и является Сергей Тимофеевич Аксаков.

«Заменить действительность вымыслом я не в состоянии. Я пробовал несколько раз писать вымышленные происшествия и вымышленных людей, — выходила совершеннейшая дрянь и мне самому становилось смешно».

«Близкие люди не раз слышали от меня, что у меня нет свободного творчества, что я могу писать только стоя на почве действительности, идя за нитью истинного события, что все мои попытки в другом роде оказывались вовсе неудовлетворительными и убедили меня, что даром чистого вымысла я не владею».

Между тем литература (по крайней мере русская) все больше начинала тяготеть именно ко второй из названных нами форм. Журнал «Современник» в 1854 году писал (безымянный рецензент по поводу нового отрывка из «Семейной хроники»): «Пора, наконец, хоть для опыта изменить форму теперешних беллетристических произведений, оставить в покое любовь с ее ката-

строфами и обратиться к простоте рассказа, придать ему нечто обыденное или доступное и близкое к действительному течению людского быта».

Лев Толстой справедливо указывал, что русская художественная мысль не укладывается в рамки романа и ищет для себя новой формы. В другом месте великий художник выразился еще прямее в том смысле, что в будущем писатели перестанут сочинять романы, а будут писать жизнь такой, какая она есть. Эту верную мысль, предвидение, нельзя понимать упрощенно. Не сочинять сюжеты, а основываться на пережитом — вовсе не значит идти на поводу у материала и не иметь права называться художником. Не приходилось ли вам слышать, как пересказывает интересную книгу или кинофильм человек, не умеющий рассказывать? «А этот пошел, а она ему говорит. Тут подходит брат, а старик подошел...» Через пять минут вы ничего не можете понять, ни кто он, ни где она, ни кто подошел и говорит. Интересная на самом деле книга оборачивается занудным пересказом, когда все проходит мимо вашего сознания, вызывает только досаду и скуку. Ведь, надо полагать, если бы Аксаков строго следовал за семейными событиями предшествовавших его рождению десятилетий, а тем более за событиями своего детства, надо полагать, он мог бы нагромоздить десятки томов. Он не прав, говоря, что ему чуждо свободное творчество. Творчество состояло в искусном, в мастерском отборе материала, в чувстве меры, в осмыслении материала, в расположении, опоэтизации, а также в типизации фактов, в придании им обобщающего момента. Обыденные жизненные факты надо было возвести в рамки искусства и, мало того, в рамки поэзии. Поэтичность аксаковской прозы никем пока не оспаривалась.

Сам Аксаков, отвечая на одну из критик, говорит: «Не могу также согласиться, что я «напрасно поспешил на рассказы о действиях Куролесова» и что я «касаюсь его поступков только более общими описаниями». Хороши эти описания или нет, это другой вопрос, но я остаюсь убежденным, что частностей о Куролесове рассказано довольно и что если б их было более, то художественность впечатлений была бы нарушена». (Выделено мной.— В. С.)

Итак, литературное значение Аксакова, оцененного по достоинству современниками и любимого последующими поколениями вплоть до наших лет, не подлежит сомнению. Надо сказать еще об общенародном и общегосударственном значении аксаковского литературного наследия.

О том, что у все новых и новых поколений, у молодежи нужно воспитывать патриотические чувства и то, что называется чувством родины, спорить никто не будет. Но чувство родины — это очень сложное чувство, в него входят и чувство родной истории, и чувство будущего, и оценка настоящего, и в числе прочего — не на последнем месте — чувство родной природы. Роман, например, о войне, а называется «Белая береза».

Да и вообще это как дважды два, что в общее и глубокое чувство любви к отечеству входит составной частью любовь к земле, к ее лугам, озерам, лесам. Если мало современной поэзии, обратимся к немеркнущим классическим образцам:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.
Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степеней холодное молчанье,

Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям:
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень:
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

Если каждый из нас попытается присмотреться внимательно к своему собственному чувству родной земли, то он обнаружит, что это чувство в нем не стихийно, но что оно организовано и культурно, ибо оно питалось не только стихийным созерцанием природы как таковой, но воспитывалось всем предыдущим искусством, всей предыдущей культурой. Любовь к родной земле воспитывали в нас Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Фет, Тургенев, А. К. Толстой, Некрасов, Лев Толстой, Блок, Есенин, Левитан, Поленов, Саврасов, Нестеров, Куинджи, Шишкин... Так что же, разве на последнее место мы поставим в этих рядах (а они многочисленны) имя Сергея Тимофеевича Аксакова? Он и сейчас продолжает воспитывать в нас патриотизм, любовь к природе, он помогает нам полюбить родную землю, а за любимую умрешь, да не отдашь, кровью обольешь, да не выдашь. Так оно и было, скажем, три десятилетия назад.

Теперь, уменьшив масштаб, надо коснуться личных отношений к Аксакову.

Во-первых, просто наслаждение, которое он мне подарил как читателю чистотой и своеобразием языка, выразительностью, поэзией и тем душевным здоровьем, о котором была уже речь.

Во-вторых, я, как все деревенские мальчишки, с детства знал с удочками и разными там пескарями и плотвицами, водящимися в нашей Ворще, но настоящую страсть удильщика, а значит, и настоящее наслаждение от этой охоты я получил через Аксакова, через его «Записки об ужении рыбы». Нельзя ведь и вообразить теперь, сколько зорь, сколько утр, обсыпанных крупной и тяжелой, словно горох, росой встречено на реке. Должно же заплатить за них хоть какой-нибудь благодарностью.

В-третьих, Аксаковым была начата книга, оставшаяся ненаписанной. Сохранилось несколько первых страничек, которые называются «Замечания и наблюдения охотника брать грибы». Это книга, по тому, как она начата, была бы в одном ряду с его рыболовецкой и охотничьей книгами, а возможно, и лучше их. Но не успел. Так вот, именно в продолжении этих страничек я в свое время и написал книжку о грибах под названием «Третья охота».

В-четвертых... В-четвертых, я многому у него учился. Если и к «Капле росы», и к той же «Третьей охоте» я взял эпиграфы из Аксакова, то это говорит не только о том, что мне понравились эти фразы, но в большей степени о том, что близкими для меня оказались и аксаковский метод художественного познания действительности, и его способ выражения своих мыслей и своих чувств.

Вот почему, когда голосок сотрудницы Тани из «Литературной газеты» предложил мне поехать в Бугуруслан, а я грубовато спросил: «Что я не видел в этом Бугуруслане?» — а Таня ответила, что я не видел, в каком состоянии находится бывшее имение Аксакова, вот почему я после этой Таниной фразы выразительно замолчал, чем и дал возможность ей спросить меня без малейшей вопросительной интонации:

— Так я пришлю вам письмо...

Письмо оказалось не первоисточником. Изначальное письмо было прислано из Оренбургской области писательнице Надежде Васильевне Чертовой. Но как она, по состоянию здоровья и возрасту, не могла сама вплотную заняться этим вопросом, то, основываясь на оренбургском письме, написала свое письмо в «Литературную газету». Его я теперь и держал в руках. Вот оно от слова до слова:

«О СОЗДАНИИ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
В СЕЛЕ АКСАКОВО ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

В Оренбургской области, на берегу реки Большой Бугуруслан, расположено село Аксаково, где прошли детские годы известного русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова, «Оренбургские повести» которого, и в первую очередь «Детские годы Багрова-внука», живут в памяти благодарных поколений русского и широкого советского читателя.

И в наши дни тысячи «самостийных» экскурсантов, главным образом школьников, идут и едут в село Аксаково — не только из школ, городов и деревень Оренбургской области, но и из соседних областей. Что же видят они на месте столь неповторимо описанного С. Т. Аксаковым «Милого Багрова»?

Еще тридцать лет тому назад **вырублена** Грачевая березовая роща. Дом Аксаковых снесен в 1960 году, — здесь поставлено небольшое двухэтажное здание школы. В 1966 году сгорела и не восстановлена водяная мельница на берегу реки Большой Бугуруслан. Запущен и гибнет неогороженный и неохраняемый парк.

Только встав рядом со зданием школы, возможно в какой-то момент воссоздать картину, открывшуюся когда-то глазам маленького Аксакова, и вспомнить строки:

«Я очень любил смотреть в окно, выходявшее на Бугуруслан: из него видна даль уремы Бугуруслана, сходявшаяся с уремой речки Кармалки, и между ними крутая голая вершина Челябинской горы».

Как известно, писатель находил совершенно необходимым «передавать другим свои впечатления с точностью и ясностью очевидности, так, чтобы слушатели получили такое же понятие об описываемых предметах, какое я сам имел о них». Живая природа сохранилась в селе Аксакове. Но необходимо наконец восполнить картину и восстановить утраченное в таком именно виде, какой вдохновил писателя на создание его замечательной книги.

Вопрос этот — о создании мемориального комплекса в Аксакове — имеет многолетнюю историю и до сего дня не сдвинулся с мертвой точки.

Еще в начале пятидесятых годов общественность области заговорила о создании музея-усадьбы в Аксакове, но дальше разговоров тогда дело не пошло. Наконец в мае 1971 года Оренбургский исполком принял решение о создании мемориального комплекса в Аксакове. С тех пор прошло около четырех лет, но по-настоящему дело не сдвинулось с места. Правда, отремонтировали за счет Общества по охране памятников истории и культуры одно из зданий школы для музея Аксакова, но здание это заняли под школьный интернат. Выделенная Министерством культуры штатная единица (для обслуживания музея) используется в музее г. Бугуруслана. Два года тому назад ученики Аксаковской школы посадили в парке 600 сосен, деревца принялись, но парк не был огорожен, и скот съел все посадки. Составлена была документация на очистку пруда, причем колхоз «Родина» просил учесть потребность в водопое 4 тысяч голов крупного рогатого скота, а также возможную организацию доходного рыбного хозяйства. Стоимость всех этих работ выразилась

в сумме до одного миллиона рублей. Таких денег, естественно, не оказалось, а сам колхоз начисто отказался даже от долевого участия, ссылаясь на слабость своего хозяйства. По всем этим причинам и пруд не приведен в порядок.

Примерно в 1969 году энтузиаст этого дела — заслуженный учитель республики Н. Г. Хлебников посылал статью об Аксакове (в плане создания музея) в «Литературную Россию» и получил обнадеживающий ответ от покойной Л. Н. Фоменко, однако сама редакция ответила отказом в напечатании.

Промелькнули заметки о селе Аксакове в «Правде» (27/VII-74) — «Под сенью парка» В. Шалгунова, в «Советской культуре» (4 января 1975 года), однако они носили характер скорее лирического раздумья, и не было в них настоящей, деловой постановки вопроса. Последствий эти публикации не имели.

Комиссия, посетившая в прошлом году Аксаково, рекомендовала областному экскурсионному бюро не посылать туда туристов, пока территория не будет приведена в порядок в соответствии с решением Оренбургского областного исполкома. На этом дело окончательно замерло, а «туристы» все равно идут и идут в Аксаково.

В дело это, очевидно, надо вовлечь нашу центральную прессу в лице — желательнее всего — «Литературной газеты».

Н. Чертова

По материалам, полученным от заслуженного учителя республики Николая Геннадьевича Хлебникова».

Письмо прочитано, но я пока не сказал ни да, ни нет. Подумаю. Соображусь с московскими обстоятельствами. И головой почти твердо знаю, что едва ли теперь, поздней осенью, на переходе осени в зиму, следует тащиться в неведомый мне Бугуруслан, а сердце не менее твердо решает за меня — придется поехать. Я от дедушки ушел, я от бабушки ушел...

— Слушайте... — (сняв трубку и набрав номер), — а вы узнавали хотя бы, сколько туда езды, что за поезд?

— Узнавала. Карагандинский поезд. Казанский вокзал. Идет ровно сутки. Сходить прямо в Бугуруслане. А там километров тридцать — и деревня Аксаково.

— А может, долететь до какого-нибудь крупного города на самолете?

— Я узнавала. От Оренбурга, областного центра, — пятьсот километров, от Уфы — тоже... около трехсот, а если Куйбышев... там тоже несколько часов на поезде. Но зачем вам? Пока с аэропорта до поезда — канитель. Не проще ли в Москве сесть, а в Бугуруслане сойти?

— Ну, хорошо, я подумаю. Соображусь с московскими обстоятельствами.

На самом же деле соображение шло по двум противоположным путям. С одной стороны, действительно с московскими, житейскими обстоятельствами, которые почти всегда против всякой дополнительной поездки и вообще всякой дополнительной нагрузки, ибо крутишься в постоянном цейтноте и на каждый день недели что-нибудь да назначено, что кажется невозможным отложить или отменить; с другой стороны, соображение шло с движением души, с чем-то стронувшимся с места в душе в тот момент, когда по телефону было произнесено столь короткое и столь знакомое каждому хоть немного читавшему в своей жизни человеку слово «Аксаков». К Аксакову — не поехать?

«ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛЕ АКСАКОВЕ
БУТУРУСЛАНСКОГО РАЙОНА
И О ПРЕБЫВАНИИ В НЕМ
ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА АКСАКОВА

Село Аксаково, именовавшееся также селом Знаменским по имени построенной в нем церкви в честь праздника знамения, основано в 60-х годах XVIII столетия дедом Сергея Тимофеевича симбирским помещиком, отставным квартирмейстером Степаном Михайловичем Аксаковым. По его фамилии основанная им деревушка получила название Аксаково. Земля была куплена у лейб-гвардии Преображенского полка бомбардира Николая Грязева (в «Семейной хронике» С. Т. Аксаков пишет, что земля была куплена у помещицы Грязевой). В 80-х годах XVIII века в дер. Аксаково было всего с десяток дворов крепостных крестьян.

После смерти Степана Михайловича Аксакова деревня Аксаково перешла к его единственному сыну Тимофею Степановичу, отцу будущего писателя Сергея Тимофеевича.

От брака Тимофея Степановича с Марией Николаевной Зубовой 20 сентября (1 октября) 1791 года в г. Уфе родился Сергей Тимофеевич. Свои детские и отроческие годы он провел в современном селе Аксакове. Эти годы, как и природа, окружавшая его, превосходно описаны С. Т. Аксаковым в его произведениях «Детские годы Багрова-внука» и «Семейная хроника».

После учения в Казани (с 1802 г. гимназия, университет) С. Т. Аксаков в 1807 году живет в Петербурге и Москве. После женитьбы в 1816 году С. Т. Аксаков с семьей переезжает в 1817 году в с. Аксаково и живет здесь до 1820 года. Здесь, в Аксакове, родился его первый сын Константин Сергеевич, знаменитый впоследствии славянофил.

В 1820 году Сергей Тимофеевич вместе с семьей на короткое время переезжает в Москву, а затем в августе 1821 года вновь возвращается в пределы Оренбургской губернии и поселяется в с. Надеждине Белебеевского уезда, описанном в «Семейной хронике» под именем Парашино. Это село являлось частью имения его отца, которое было передано Сергею Тимофеевичу в качестве наследства в 1821 году. Осенью 1826 года он выехал в Москву.

Я не имею материалов, был ли Сергей Тимофеевич в с. Аксакове после 1820 года, но, очевидно, он с семьей приезжал на летнее время в Оренбургскую область и, вероятно, бывал также в с. Аксакове.

В 1849 году С. Т. Аксаков купил имение Абрамцево под Москвой и с этого времени до смерти жил в нем.

Умер С. Т. Аксаков в ночь на 30 апреля 1859 года. Я также не имею материалов, как было разделено имение Тимофея Степановича Аксакова после его смерти (он умер в 1837 году) и кому из членов семьи Аксаковых досталось село Аксаково. Но, видимо, с. Аксаково перешло в руки Аркадия Тимофеевича, брата Сергея Тимофеевича, так как в предреформенное время оно принадлежало ему.

Какова была дальнейшая судьба имения Аксаковых в с. Аксакове, у меня нет документальных данных. Во время поездки в с. Аксаково летом 1958 г. старожилы сообщили мне, что последним владельцем имения в Аксакове были Сергей Аркадьевич Аксаков и его сыновья. С. А. Аксаков, по словам старожилов, служил в предреволюционное время земским начальником.

Во время поездки в с. Аксаково в 1958 г. я застал еще двухэтажный деревянный дом. Он был хорошей сохранности. В верхнем этаже дома были квартиры рабочих Аксаковской МТС. Рядом с домом несколько каменных построек. При усадьбе был парк. Местами сохранились еще следы аллей.

Хорошо сохранилась липовая аллея. Стояли шесть старых сосен. Огромные ветлы росли на берегу Бугуруслана.

Старинный пруд был в загрязненном состоянии. Фруктовых деревьев уже не было. На полянах парка были огороды рабочих.

На месте церкви, которая была построена отцом Сергея Тимофеевича в конце XVIII — начале XIX века, лежала куча щебня и мусора и рядом с ними валялись три надгробных плиты.

Одна плита из черного гранита имела кубическую форму (высота около 70 см). Она лежала на боку. Высеченную на ней надпись можно было прочесть: Аркадий Тимофеевич Аксаков, родился 15 января 1803 г., скончался 15 октября 1862 г.

Другая плита высечена из розового гранита размером более метра. Надпись прочесть не удалось.

Третья плита высечена из серого гранита размером также более метра. Надпись на ней намеренно испорчена, но можно было прочесть только некоторые слова и буквы:

Мария Николаевна Аксакова, урожденна ____ ова
Родилась ____ января 7 дня
Скончалась ____ ...дня.

Эти надгробные плиты, несомненно, были положены над могилами Аркадия Тимофеевича Аксакова, родного брата писателя, Марии Николаевны Зубовой, матери Сергея Тимофеевича, и третья — вероятно, над могилой отца писателя — Тимофея Сергеевича.

Научный сотрудник
обл.музея

А. С. Попов

24 ноября 1968 г.»

* * *

«ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ.
ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.
Г. ОРЕНБУРГ

20 мая 1971 года

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ
БУГУРУСЛАНСКОГО ГОРКОМА КПСС т. КАРПЕЦ

Уважаемый Василий Андреевич!

В начале февраля месяца этого года был я в Москве на пленуме правления Общества охраны памятников истории и культуры.

В докладе тов. Иванова (зам. пред. правления) наша область была подвергнута довольно резкой критике за разрушение аксаковского имения. Эту критику поддержал товарищ Кочемасов Вячеслав Иванович — зам. председателя Совета Министров РСФСР.

В их выступлениях была поставлена задача — сохранить и восстановить то, что еще уцелело от имения, привести территорию его в порядок.

Вы, очевидно, знаете, что в Бугуруслан и Аксаково приезжал представитель Министерства культуры РСФСР, он заснял общий неприглядный вид остатков имения, удручающий вид запущенного сада, безобразно нарушенные надгробия предков С. Т. Аксакова.

Все эти снимки являются неопровержимым укором всем нам и находятся в Министерстве культуры и у руководства общества, председателем которого является тов. Кочемасов.

На частичное восстановление имения, признанного памятником государственного значения, оказывается, не раз отпускались немалые деньги, но вместо восстановления того, что осталось, шло его дальнейшее разрушение.

Сейчас поставлена задача — создать мемориальный памятник великому писателю земли русской, певцу замечательной природы Оренбуржья: восстановить пруд, укрепить берег реки Бугуруслана и предотвратить гибель части парка — его липовой аллеи, огородить парк, восстановить надгробия, поставить памятник писателю, создать музей в здании, где размещается интернат (кстати сказать — здание это государственное, а не колхозное).

Центральное правление перевело нам 20 тысяч на эти цели. 7 мая я обо всем этом рассказал Александру Власовичу. Он одобрил все задачи, намеченные по этому поводу. На рассмотрение облисполкома вынесен проект решения о частичном восстановлении имения Аксакова, и оно будет, очевидно, принято на следующей неделе.

В связи с предстоящими немалыми работами по выполнению этого решения облисполкома, убедительная к Вам и к членам бюро просьба: обсудить этот вопрос на заседании бюро (что было бы наиболее целесообразно) или на заседании исполкома, поднять на работу местные организации с тем, чтобы в ближайшее время осуществить хотя бы минимум работ по приведению усадьбы в порядок.

Мне представляется делом чести восстановить то, что осталось от разрушенного имения. Ведь это будет культурный очаг республиканского значения. Полагаю, что при обсуждении вопроса Вы не обойдете и задачу экономического укрепления и эстетического упорядочения колхоза «Родина», которому, очевидно, придется оказать преимущественную помощь, ибо экскурсанты, а их с каждым годом будет все больше, пожелают посмотреть и колхоз, его культурные и производственные постройки, быт колхозников.

Очень хотелось приехать в Бугуруслан и выступить с лекциями и воспоминаниями о Ленине, но здоровье сейчас не позволяет это сделать. Но я не теряю надежды еще раз побывать в Вашем городе.

С коммунистическим приветом — член КПСС
с 1920 года кандидат исторических наук А. Бочагов».

Если письмо заслуженного учителя республики мне вручили еще в Москве, то два последних документа я достал уже на месте, в Бугуруслане, в машинописных копиях с круглыми дырочками на боках для шнурков, при помощи которых бумаги подшиваются в папках. Причем дырочки при изъятии копий решительно кем-то прорваны. Обзавелся я и другими документами: актами, постановлениями, решениями, докладными записками, запросами и ответами на запросы. Картина нарисовалась следующая.

Первоначально в двадцатые годы в доме Аксаковых была размещена МТС. Тут была и контора, тут были и жилые комнаты. Огороды на полянах парка, фигурирующие в исторической справке А. С. Попова, закладывались и культивировались именно в этот период.

Потом МТС по всей стране, как известно, были упразднены. Дом оказался бесхозным, хотя и стоял на территории колхоза «Родина». Облисполкомом несколько раз отпускались деньги на ремонт дома, отпускались даже и материалы, в частности кровельное железо. Но колхозу (имеется в виду председатель колхоза Иван Александрович Марков) было недосуг ремонтировать дом, даже и не принадлежащий колхозу, а кроме него ремонтировать было

некому. Материалы и деньги уходили на другие, может быть и важные, нужды.

Наконец колхоз стал ходатайствовать, чтобы дом и всю усадьбу передали ему в полное распоряжение. Когда же это совершилось, то в 1960 году (то есть совсем-совсем недавно) колхоз, став обладателем аксаковского дома, этот дом сломал, а на его фундаменте поставил школу, тоже двухэтажную, приблизительно в тех же габаритах. То, что дом не крылся, обрекало его на быстрое разрушение. Председатель колхоза И. А. Марков сам говорил мне, описывая состояние дома:

— Он был в бедственном положении. Чердак и верхний этаж плотно набивало снегом, а потом этот снег таял...

Со школой это было очень ловко придумано, ибо кто же потом осудит, если дом заменили школой. Больше того. Здесь мы вспомним замечтку из «Южного Урала» и выпишем вторую ее половину, как и было обещано. Для связи начнем с фразы, уже приведенной нами. Итак: «Не в некиим царстве, а на родине ключницы Пелагеи творят в наши дни сказочные дела земляки Аксакова — колхозники сельхозартели «Родина». Одно из них (сказочное дело, значит.— В. С.) свершилось днями. На месте старинного, разваливающегося дома, где протекли детские годы выдающегося автора «Семейной хроники», поднялось двухэтажное каменное здание школы, построенное на средства колхоза».

Ну, то, что строительство типовой школы во второй половине двадцатого века в нашем просвещенном государстве есть дело сказочное, это оставим на совести автора замечтки. А вот то, что он ввернул по отношению к дому словечко «разваливающегося», ни на чьей совести оставить нельзя. И колхозники села Аксакова, и заведующий учебной частью школы Андрей Павлович Товпеко единодушно говорили мне, что дом был удивительной крепости. Бревна на него возились в свое время отборные, неохватные, из Бузулукского бора, притом лес был как следует по-старинному выдержан, а венцы сажались на специальные шипы. Так что когда ломали дом, то бревно от бревна, венец от венца отдирали трактором. Крыша, конечно, была худая, а отсюда и потолки. Но теперь известно, что крыша не чинилась, тогда как средства и даже кровельное железо на ее ремонт отпускались не один раз.

Меня всегда, между прочим, поражала эта наша любовь построить что-нибудь «вместо», а не «вместе». Чтобы построить школу, надо обязательно сломать дом. Почему? Зачем? Почему школу не поставить рядом? Тот же Андрей Павлович Товпеко говорил мне, что неразумно было строить школу на старом фундаменте аксаковского дома, ибо он ограничил ее габариты, и внутренние помещения школы, то есть классы, теперь тесны.

Я упомянул о многих документах (в копиях, конечно, с прорванными дырочками *), которыми обзавелся.

Может быть, и не надо было все их вытаскивать на свет божий, но все же для иллюстрации и подтверждения «сказочных» дел, которые сотворились там, некоторые из бумаг надо переписать в эту статью.

РЕШЕНИЕ ОБЛИСПОЛКОМА
ОТ 4 СЕНТЯБРЯ 1953 ГОДА
О СОСТОЯНИИ ОХРАНЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

* Не все они с прорванными дырочками. Некоторые переписаны от руки, то есть списаны с копий, находящихся в папках, по моей просьбе энтузиастами Аксакова, болеющими душой и сердцем за аксаковские памятные места.

Разрушаются ценнейшие памятники культуры бывшей усадьбы писателя С. Т. Аксакова, находящиеся на балансе Мордово-Бокминской МТС. Мордово-Бокминский р-н решил до 25 сентября 1953 г. взять на учет все исторические памятники и обеспечить их охрану.

1. В течение 1953—1954 гг. закончить ремонт исторических памятников за счет местного бюджета по благоустройству района. Обязать директора Мордово-Бокминской МТС т. Любакова в течение 1953—54 года закончить ремонт и реставрацию исторического памятника бывшей усадьбы С. Т. Аксакова.

2. Начальнику облуправления сельского хозяйства и заготовок т. Душенкову своевременно отпускать МТС средства на ремонтные работы и осуществлять повседневный контроль за восстановлением этого здания.

3. Возложить контроль за постановкой на учет, охрану, реставрацию и ремонт исторического памятника на областное управление культуры.

Председатель облисполкома
Секретарь облисполкома

А. Жуков
Б. Бейдюков».

Хорошее, полезное решение. Может быть, директор МТС товарищ Любаков и руководствовался бы им, и провел бы ремонт здания, тем более что было предписано начальнику облсельхозуправления товарищу Душенкову «своевременно отпускать МТС средства на ремонтные работы». Но, как мы знаем, МТС были упразднены. Нет теперь МТС, не с кого и спросить.

Появилась новая забота: что делать с несчастным, превратившимся в бесхозное, зданием. Хозяин-то есть, как известно. Хозяин, как известно,— народ. Но формально, на чьем балансе?

Последовало новое, тоже, надо сказать, толковое решение облисполкома от 11 августа уже 1959 года, за год, как теперь мы знаем, до окончательной гибели дома.

«РЕШЕНИЕ ИСПОЛКОМА
ОРЕНБУРГСКОГО ОБЛСОВЕТА
ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЫВШЕГО ИМЕНИЯ
ПИСАТЕЛЯ С. Т. АКСАКОВА

Исполком облсовета решил:

1. В здании бывшего имения С. Т. Аксакова разместить общежитие, а в подсобных помещениях школу-интернат.

2. Обязать облплан изыскать лимит в сумме 15 тысяч рублей для составления технической документации, на ремонт и переоборудование здания бывшего имения писателя С. Т. Аксакова и привязку к нему нового здания школы на 320 мест.

3. Обязать облпроект к 15.9.59 года составить техническую документацию на строительство нового здания школы.

Произвести ремонт и переоборудование зданий бывшего имения писателя с сохранением архитектуры основного жилого дома.

4. Обязать облуправление культуры и Бугурусланский райисполком создать музей писателя С. Т. Аксакова, выделить и оборудовать комнату в основном здании бывшего имения.

5. Обязать исполком Бугурусланского райсовета принять необходимые меры к благоустройству территории усадьбы и сада с привлечением для этой цели общественности и школы.

Председатель облисполкома А. Жуков».

Казалось бы — чего же проще? И сохранить здание, и произвести ремонт с сохранением архитектуры основного жилого дома, и принять меры к благоустройству территории усадьбы и сада. Ведь оставалось только выполнить это замечательное решение, и благодарность потомков, не говоря уж о современниках, обеспечена. И как же получилось, что ровно через год после этого решения аксаковский дом был снесен?

Две стороны вопроса. Конечно, без ведома области, не получив добро, Иван Александрович Марков дом ломать не осмелился бы. С другой стороны, без энергичного желания и ходатайства Ивана Александровича облисполкому не пришло бы в голову ломать дом. Будто у облисполкома нет других дел и забот. А дом стоит себе и стоит, тем более что принято решение по его сохранению и ремонту. Но если снизу идет горячая просьба, обложенная убедительными аргументами, то облисполком может уважить убедительную просьбу председателя колхоза. Очевидно, что инициатива по сносу дома принадлежала председателю колхоза Ивану Александровичу Маркову. А комиссию можно убедить, что дом обветшал, что крыша и потолок текут, что ребятишки влезают туда играть и может их придавить. Именно эту причину высказал как главную Иван Александрович Марков мне лично. Опасен стал. Ребятишки играют. Мог произойти несчастный случай.

— А если б отремонтировать?

— Это было сложнее.

— Чем сломать?

— Да что вы все с этим домом? Мы же школу на его месте построили!

Сносу дома предшествовал целый ряд документов, некоторые оказались у меня в руках.

«ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛИСПОЛКОМА
ОТ КОЛХОЗА «РОДИНА»

Бугурусланский райисполком на основании решения общего собрания колхозников от 7 апреля 1961 года и парткома к-за «Родина» от 5 апреля просит передать с баланса Аксаковской РТС колхозу имение С. Т. Аксакова с земельным участком, хозяйственными постройками и домом писателя, а также разрешить строительство одиннадцатилетней школы на средства к-за на месте ветхого дома С. Т. Аксакова».

Этот маленький документ вызвал цепочку других документов, из которых передо мной только три. Во-первых, облисполком, получив просьбу колхоза, подтвержденную районом, сделал запрос в свой же отдел культуры, на что получил ответ:

«На ваш номер (такой-то) от 24 апреля 1961 года управление культуры сообщает, что усадьба С. Т. Аксакова на учете как исторический памятник не значится.

Заведующий областным управлением культуры

В. Бирюков».

Ну, если не значится, о чем же и говорить? Но все же обком и облисполком, надо им отдать справедливость, создали и послали специальную комиссию для того, чтобы та все уточнила на месте, во всем разобралась и дала бы свои рекомендации. Такие рекомендации комиссией были даны 1 августа 1961 года.

«ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА
К СЕКРЕТАРЮ ОБКОМА КПСС Т. ШУРЫГИНУ В. Н.
И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОБЛСОВЕТА МОЛЧАНИНОВУ»

Комиссия в составе зав. облоно Ткачевой
Начальника областной проектной конторы т. Иванова
Главного инженера УКСа при облисполкоме т. Трахтенберга предло-

жила:

1. Организацию школы-интерната на территории усадьбы писателя С. Т. Аксакова считать нецелесообразной, т. к. жилой дом и все остальные постройки пришли в ветхое состояние и для восстановления только жилого дома потребуется не менее 60 тысяч рублей.

2. Жилой дом после его реставрации не может быть полностью использован в связи с тем, что второй этаж его очень низкий, примерно полтора метра (!). Другие помещения, в частности, конюшня, под жилье не могут быть приспособлены из-за отсутствия минимальных санитарных требований.

3. Наиболее правильным было бы решение передачи имения Аксакова сельскохозяйственной артели «Родина», а на его территории строительства общеобразовательной школы по типовому проекту.

Колхоз намерен приступить к строительству школы, необходимые средства выделяет. Для более быстрого осуществления плана строительства школы следует в период строительства оказывать помощь в выделении строительного материала.

Исполком Бугурусланского райсовета 14.8.61 г. просит облисполком поддержать ходатайство правления к-за «Родина».

Вскоре на основании этой докладной записки состоялось решение облисполкома.

«РЕШЕНИЕ ОБЛИСПОЛКОМА
О ПАМЯТНИКЕ КУЛЬТУРЫ, ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА АКСАКОВА»

В целях сохранения памятника культуры местного значения бывшей усадьбы писателя Аксакова и учитывая ходатайство правления колхоза «Родина» Бугурусланского района о передаче колхозу приусадебного участка, парка и существующих зданий бывшей усадьбы писателя С. Т. Аксакова для приведения в порядок территории бывшего имения и строительства на ней общеобразовательной школы по типовому проекту.

2. Областному управлению культуры заключить с колхозом *охранный договор*.

3. Обязать областное управление культуры (т. Бирюкова) для увековечения памяти русского писателя С. Т. Аксакова установить на здании новой школы памятную доску.

Председатель исполкома
Секретарь исполкома

Н. Молчанинов
А. Краснов.

Заметим, что в этом документе уже нет упоминания о доме Аксакова, как это было в других документах этого же периода. Здесь сказано окольно и мягко о «передаче колхозу приусадебного участка, парка и существующих зданий бывшей усадьбы писателя Аксакова. Видимо, до области дошло, что дом уже сломан. Остается установить мемориальную доску на здании новой школы.

С домом примерно ясно. Оставались еще парк, пруд и мельница. Парк — это дело сложное. Если за парком не ухаживать повседневно, из года в год, то он дичает и практически гибнет. Старые деревья выпадают, либо их

спиливают на дрова, кустарник же разрастается и перепутывается, превращая бывший парк в подобие огромной бесформенной мочалки, из которой лишь кое-где могут торчать случайно уцелевшие вековые деревья. Точно так же и получилось с парком в Аксакове. Надо сказать только, что основная часть старых деревьев была вырублена в годы войны, когда мужиков почти не оставалось в деревнях, по крайней мере сильных и здоровых мужиков, и дрова брали где поближе и попроще*.

Что касается мельницы и пруда, то надо бы вспомнить, как они образовались. К счастью, есть прекрасное и подробное описание этого события в «Семейной хронике», на первых же страницах ее. Поскольку мы до сих пор не злоупотребляли собственно аксаковскими текстами, то вот описание, как создавалась мельница. Оно интересно еще и тем, что, оказывается, наши деды применяли тот же способ при перекрытии рек, как и мы теперь, когда перекрываем Енисей или Ангару. Масштабы, правда, не те, и материалы, и техника, и цели. Уже не хворост и не навоз, не солома, а железобетонные глыбы, не телеги, а самосвалы, не сто ловких мужиков, а огромная армия строителей. Но принцип, заметьте, тот же самый.

«...Выбрав заранее место, где вода была не глубока, дно крепко, а берега высоки и также крепки, с обеих сторон реки подвели к ней плотину из хвороста и земли, как две руки, готовые схватиться, а для большей прочности оплели плотину плетнем из гибкой ивы; оставалось удержать быструю и сильную воду и заставить ее наполнить назначенное ей водоемще. С одной стороны, где берег казался пониже, заранее устроен был мельничный амбар на два мукомольные поставы с толчеей. Все снасти были готовы и даже смазаны; на огромные водяные колеса, через деревянные трубы кауза должна была броситься река, когда, прегражденная в своем природном русле, она наполнит широкий пруд и станет выше дна кауза. Когда все уже было готово и четыре длинные дубовые сваи крепко вколочены в твердое глинистое дно Бугуруслана, поперек будущего вешняка, дедушка сделал помочь на два дня; соседи были приглашены с лошадьми, телегами, лопатами, вилами и топорами. В первый день огромные кучи хвороста из нарубленного мелкого леса и кустов, копны соломы, навозу и свежего дерна были нагромождены по обеим сторонам Бугуруслана, до сих пор вольно, неприкосновенно стремившего свои воды. На другой день, на восходе солнца, около ста человек собрались занимать заимку, то есть запрудить реку. На всех лицах было что-то заботливое и торжественное; все к чему-то готовились; вся деревня почти не спала эту ночь. Дружно, в одно и то же мгновение с громким треском сдвинули в реку с обоих берегов кучи хвороста, сначала связанного кучками; много унесло быстрое течение воды, но много его, задержанного сваями, легло поперек речного дна; связанные копны соломы с камнями полетели туда же, за ними следовал навоз и земля; опять настилка хвороста, и опять солома и навоз, и сверху всего толстые слои дерна. Когда все то, кое-как затопленное, стало выше поверхности воды, человек двадцать крестьян, дюжих и ловких, выскочили на верх запруды и начали утапывать, уминать ее ногами. Все это производилось с такою быстротою, с таким общим рвением, непрерывным воплем, что всякий проезжий или прохожий испугался бы, услышав его, если б не знал причины. Но пугаться

* Точно так же, между прочим (я об этом писал, помнится, во «Владимирских проселках»), именно во время войны был начисто вырублен парк в селе Варварине Владимирской области, именин, мемориально связанном с дочерью Тютчева и с Иваном Сергеевичем Аксаковым, то есть уже с сыном основного и главного Аксакова. При желании читай «Владимирские проселки», соответствующую главу.

было некому: одни дикие степи и темные леса на далекое пространство оглашались неистовыми криками сотни работников, к которым присоединилось множество голосов женских и еще больше ребячьих: ибо все принимало участие в таком важном событии, все суеилось, бегало и кричало. Не скоро сладили с упрямою рекой: долго она рвала и уносила хворост, солому, навоз и дерн; но наконец люди одолели, вода не могла пробиться более, остановилась, как бы задумалась, завертелась, пошла назад, наполнила берега своего русла, затопила, перешла их, стала разливаться по лугам, и к вечеру уже образовался пруд, или, лучше сказать, всплыло озеро, без берегов, без зелени, трав и кустов, на них всегда растущих; кое-где торчали верхи затопленных погибших деревьев. На другой день затолкала толчея, замолола мельница — и мелет и толчет до сих пор».

Не знаю, до какого года толкла и молола мельница, но само строение ее, мельничный амбар, кауза и колеса — все это сгорело в 1966 году, пережив аксаковский дом на шесть лет. Пруд не сгорел при этом, как можно догадаться, но он не чистился и не промывался не с аксаковских ли времен, загрязнен и заилен, обмелел и зарастает, обезрыбел и превратился в огромную лужу.

Не знаю, почему его всегда называли и называют прудом. Это, скорее, мельничный омут, именно водохранилище, водоемище, украшающее и облагораживающее степное место. И если бы его почистить, вывезя весь ил на поля колхоза «Родина», да как следует умело зарыбить, да приложить минимум усилий к его содержанию в чистоте и порядке, то он имел бы даже и хозяйственное значение.

Ну вот, значит, по всем статьям получилось полное соответствие: парк одичал, пруд запущен, дом сломан, мельница сгорела. Самое время пришло взяться за охрану и за восстановление так называемого мемориального комплекса.

* * *

«ОРЕНБУРГСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСЕРОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ.
Г. ОРЕНБУРГ, УЛ. СОВЕТСКАЯ, 66, КОМН. 68

Государственная инспекция по охране памятников истории и культуры сообщает, что бывшая усадьба Аксакова С. Т. в Бугурусланском районе Оренбургской области включена в списки памятников истории, подлежащих государственной охране.

В связи с этим просим Вас войти в ходатайство в облисполком о принятии неотложных мер по сохранению мемориального парка, а также о выделении помещения для музея С. Т. Аксакова. Материалы для этого музея могут быть предоставлены, согласно полученному сообщению, музеем-усадьбой «Абрамцево».

Начальник Госинспекции по охране
памятников истории и культуры

(Маковецкий).

* * *

«ДИРЕКТОРУ МЕМОРИАЛЬНОГО МУЗЕЯ «АБРАМЦЕВО»
ТОВ. МАНИНУ В. Ф.

Исполком Оренбургского областного Совета депутатов трудящихся в мае 1971 года принял решение «О создании мемориального комплекса писателя Сергея Тимофеевича Аксакова в селе Аксаково Бугурусланского района».

Решением исполкома проектно-сметные организации обязаны разработать генеральный план восстановительных работ бывшей усадьбы С. Т. Аксакова. В проектном задании по составлению генерального плана восстановительно-ремонтных работ предусмотрено: восстановление дома в усадьбе Аксакова, благоустройство парка, расчистка существующих насаждений и посадка ценных пород деревьев, устройство беседок, пешеходных дорожек, планировка партерного скверика, восстановление пруда с водяной мельницей, плотиной и отводным каналом.

Для проектирования требуются фотографии, рисунки, чертежи, описания дома Аксакова, мельницы, пруда, парка, беседок и др. материалы. Наше областное отделение такими материалами не располагает.

Чтобы оказать помощь проектировщикам в наиболее полном восстановлении в прежнем виде мемориального комплекса, убедительная просьба к Вам подсказать, где и как можно разыскать необходимые материалы по усадьбе писателя Аксакова.

Если же есть в вашем музее фотографии, чертежи, рисунки, описания дома Аксакова, мельницы, пруда, парка, беседок и другие материалы, не окажете ли Вы любезность выслать копии этих материалов в адрес областного отделения общества: г. Оренбург, ул. Советская, 66, комната 68.

Председатель президиума
областного отделения Общества

(А. Бочагов).

* * *

ЗАДАНИЕ НА ПРОЕКТИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ОРЕНБУРГСЕЛЬХОЗПРОЕКТ

«На основании протокола заседания президиума Оренбургского областного отдела Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры от 17 августа 1970 года и акта обследования памятников и памятных мест Бугурусланского района от 12 ноября 1968 года, необходимо составить проектно-сметную документацию для восстановления усадьбы Аксакова.

При составлении проектно-сметной документации предусмотреть:

1. Ограждение парка (железная ограда на железобетонных опорах).
2. Расчистку существующих насаждений и посадок ценных пород деревьев.
3. Очистку и восстановление пруда с садками для разведения рыб.
4. Укрепление берегов реки Бугуруслан.
5. Сохранение и ремонт существующих пяти кирпичных построек.
6. Строительство мемориального комплекса, где разместить гостиницу для туристов, столовую, мемориальную комнату Аксакова.
7. Размещение надгробий с могил родителей Аксакова и восстановление надписей на надгробиях.

При составлении генерального плана села Аксаково предусмотреть сохранение мемориального парка, включив его в зону отдыха центральной усадьбы колхоза.

Оплату за составление проекта сметной документации производит Оренбургское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Председатель
областного отделения ВООПИК

Бочагов

Председатель колхоза «Родина»

Марков».

* * *

«РЕШЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА
ОРЕНБУРГСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
от 26 мая 1971 года
О СОЗДАНИИ МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА
ПИСАТЕЛЯ СЕРГЕЯ ТИМОФЕЕВИЧА АКСАКОВА
В СЕЛЕ АКСАКОВО БУГУРУСЛАНСКОГО РАЙОНА

В октябре 1971 года исполняется 180 лет со дня рождения русского писателя С. Т. Аксакова, который продолжительное время жил и работал в Оренбургском крае, учитывая его большие заслуги в развитии культуры и популярности среди русских и зарубежных читателей, в целях увековечения его памяти

исполком облсовета РЕШИЛ:

1. Создать в селе Аксаково, на территории бывшей усадьбы писателя, мемориальный комплекс С. Т. Аксакова. В мемориальный комплекс включить все постройки, принадлежавшие С. Т. Аксакову, парк, музей и памятник писателю. Сохранить надгробия с могил родителей и брата писателя.

2. Обязать начальника областной проектной конторы Облупркомхоза Беляева Н. И. включить в план проектирования на 1972 год разработку генерального плана восстановительно-ремонтных работ бывшей усадьбы С. Т. Аксакова, в 1971 году составить проектно-сметную документацию на ремонт дома под музей С. Т. Аксакова, установку памятника и надгробий родителей и брата С. Т. Аксакова.

3. Обязать директора института Оренбургсельхозпроект Решетникова Г. А. при составлении генерального плана застройки села Аксаково (колхоз «Родина») учесть обязательность сохранения усадьбы С. Т. Аксакова со всеми ее постройками и парком. Не позднее июля с. г. с областным отделением Общества охраны памятников истории и культуры установить границы усадьбы писателя и охранную зону.

Оплату стоимости проектно-сметной документации и ремонтных работ по дому-музею, установление памятников и надгробий родителей С. Т. Аксакова произвести за счет областного отделения Общества охраны памятников истории и культуры.

4. Обязать облремстройтрест (т. Чекмарев С. С.) в течение 1971 года провести капитальные работы по созданию мемориального комплекса в с. Аксаково. Областному отделению Общества охраны памятников истории и культуры заключить договор с облремстройтрестом на производство восстановительных работ и обеспечить их финансированием.

5. Обязать областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры (т. Бочагов А. К.) к 15 июля 1971 года заключить договор с колхозом «Родина» на охрану помещений, которые переданы ему для пользования в хозяйственных целях.

6. Обязать Бугурусланский райисполком (т. Проскурин В. Д.):

а) не позднее июля с. г. решить вопрос об освобождении одного дома, занятого интернатом школы, с целью создания в ней музея писателя;

б) обеспечить сохранность всех построек, оставшихся в усадьбе писателя, переданных колхозу «Родина»;

в) благоустроить подъездные пути в с. Аксаково.

7. Обязать областное управление культуры (т. Соловьев А. В.) войти с ходатайством в Министерство культуры РСФСР об открытии филиала музея С. Т. Аксакова.

8. Обязать областной совет по туризму (т. Пустовалов М. Ф.) разработать к 1972 году маршрут экскурсии «Аксаково», рассмотреть вопрос о создании туристической базы в с. Аксаково и совместно с областным отделением Об-ва охраны памятников истории и культуры издать путеводитель по аксаковским местам.

9. Обязать облпотребсоюз (т. Сербин Г. П.) решить вопрос о строительстве в 1972 году в с. Аксаково столовой на 25—30 мест и предусмотреть в плане поставки для продажи населению села Аксаково 20—30 сборных домов.

10. Обязать областное управление лесного хозяйства (т. Нечаев Н. А.) в 1971 году произвести необходимые ремонтные работы в парке с. Аксаково.

11. Просить областное отделение Общества охраны природы (т. Власюк А. Е.) взять под охрану парк в аксаковской усадьбе.

12. Поручить Оренбургскому филиалу Средволговодгипроводхоз (т. Тафинцев А. Г.) составить проектно-сметную документацию на восстановительные работы пруда в парке в 1971 году за счет лимитов облводхоза.

13. Обязать областной отдел мелиорации и водного хозяйства (т. Бомов П. И.) провести все восстановительные работы пруда в парке.

14. Просить Комитет по делам печати при Совете Министров РСФСР о переиздании произведений С. Т. Аксакова.

15. Просить обком ВЛКСМ (т. Зелепухин А. Г.) на период восстановительных работ в с. Аксаково выделить студенческий отряд строителей.

16. Обязать областное управление культуры (т. Соловьев А. В.) и областное отделение Общества охраны памятников истории и культуры (т. Бочагов А. К.) осуществлять контроль за выполнением работ по созданию мемориального комплекса в с. Аксаково, оборудованием дома-музея, а также решить совместно вопрос о выделении штатной единицы работника музея на период его ремонта и организации.

Председатель исполкома облсовета депутатов трудящихся

А. Баландин

Секретарь исполкома облсовета депутатов трудящихся

А. Карпунков.

Верно: зав. протокольной частью

З. Чаплыгина.

Разослано: Оренбургсельхозпроекту, облремонтстрою, областному совету по туризму, облпотребсоюзу, обкоммунуправлению, облотделу мелиорации и водного хозяйства, облуправлению культуры, Обществу охраны памятников истории и культуры, областному отделу охраны природы. Обкому ВЛКСМ, облуправлению печати, облотделу по делам строительства и архитектуры, т. Чернышевой, облплану, облфо, обкому КПСС, облпрокурору тов. Власюку, Бугурусланскому райисполкому, колхозу «Родина» Бугурусланского района, Бугурусланскому горкому КПСС тов. Карпец, Оренбургскому филиалу Средволговодгипроводхоз.

После всего изложенного нетрудно предположить, что я нашел и увидел в Аксакове.

В Бугуруслане, то есть в районе, ко мне отнеслись хорошо и внимательно, воистину как к московскому гостю, да еще с документом «Литературной газеты». Впрочем, бугурусланские впечатления неуместны здесь, потому что это была бы уж не аксаковская тема, или, точнее, не аксаковская тема в ее чистом виде. Поэтому скажу лишь, что мне выделили машину для поездки в Аксаково, а также и попутчиков: один человек из райисполкома, один из местной газеты и еще один человек, я уж теперь не помню, из какой именно организации. Одним словом, «газик» новой модели набился битком, и мы поехали.

В этот день проходила сессия райисполкома, и председателю колхоза «Родина» И. А. Маркову на ней надлежало присутствовать. А нам надлежало дожидаться его в Аксакове, обещался приехать не позже двух часов дня, то есть к обеду. Значит, до двух мы могли самостоятельно знакомиться с объектом. Они, впрочем, думали, что я впервые попадаю в Аксаково. Но я уж три дня прожил в Бугуруслане, пока мне дали машину. И будто бы я мог спокойно сидеть три дня в гостинице! Между тем уже на другой день один частничек за пятерку прокатил меня до Аксакова, повозил по селу, подождал, пока я походил и порасспрашивал, и привез обратно в Бугуруслан.

Но теперешняя наша поездка отличалась не только, так сказать, легальностью и официальностью, но и тем, что мы собирались приехать в Аксаково с другого конца Бугурусланского района, сделать большой круг, чтобы попасть на старую Уфимскую дорогу, и по ней как бы повторить многократную дорогу самого Аксакова из Уфы в родное село.

Выдался замечательный день, как по заказу — тихий, солнечный, редкостный для конца октября в этих местах. Преобладали два тона вокруг нас: синий и золотистый. Синим было чистое небо, а золотистыми холмы, раскинувшиеся под небом, да еще солнце, большое и резко очерченное в густой синеве. Конечно, иногда холмы были красноватыми, что характерно для здешних мест, иногда среди осенней золотизны ярко и бархатно чернели прямоугольники вспаханного чернозема, конечно, леса на холмах и во впадинах между холмами уже потеряли большую часть листвы и были теперь черноватыми, кроме дубовых рощ, по-прежнему медно-красных, литых и чеканных. Но и черные безлистные леса золотели под ясным осенним солнцем. Была еще разная пестрота: полей и сел, дорог, столбов по сторонам дороги, нефтевышек то там, то сям. Но все же теперь, когда хочу вспомнить живописное состояние того дня, вижу два основных, преобладающих тона — синий и золотой.

Дорога все время вела нас по резко пересеченному ландшафту: с холма в глубокий овраг, наискось по косоугору, из глубокой лощины на холм. Наконец с округлой высоты мы увидели внизу, воистину как на ладони или как на подносе, большое село, в общей картине которого выделялись ровные ряды новых стандартных домиков под шифером, построенных, как видно, совсем недавно. Их было тут несколько десятков, и я, помнится, тотчас отметил про себя, зная примерную цену каждому такому дому, что колхоз «Родина» вовсе не бедный колхоз, и надо было увязать мне увиденное со строками из первоначального письма, которое, как говорится, позвало в командировку. «Составлен был документ на очистку пруда, причем колхоз «Родина» просил учесть потребность в водопое четырех тысяч голов крупного рогатого скота, а также возможную организацию доходного рыбного хозяйства. Стоимость всех этих работ выразилась в сумме до одного миллиона рублей. Таких денег, естественно, не оказалось, а сам колхоз наотрез отказался даже в доленом участии, ссылаясь на слабость своего хозяйства».

Но должен сказать сначала, что при первом взгляде на Аксаково с высокой горы я почувствовал, что чего-то тут не хватает и чем-то этот вид непривычен. Разумеется, я ведь до сих пор видел село с этого высокого места только на картинках, воспроизводимых иногда в книгах Аксакова или в книгах о нем. Взгляд привык к виду села, и теперь привычному взгляду чего-то не хватало. Это все равно как если бы вид на Москву, и вдруг — нет Кремля. На месте Кремля пустое пространство и мелкие невзрачные строения. Поневоле замечешься взглядом в поисках привычного, устоявшегося.

У села Аксакова на прежних картинках был организующий центр — белая церковка в середине, перед ней площадь, а дальше аксаковский дом

с постройками буквой П. Вокруг этого, так сказать, архитектурного старинного комплекса располагалось остальное село. Ну, а поскольку церкви я теперь не увидел и не могу увидеть, а на площади построили два магазина и столовую да продолговатый барачного типа колхозный Дом культуры, то и общая картина села Аксакова рассыпалась для меня на плоское, неорганизованное с архитектурной стороны скопление домов.

Мы приехали раньше, нежели предполагали мои проводники. Оставалось до председательского возвращения с сессии не меньше трех часов, которые мы и употребили на осмотр того, что называется в бумагах мемориальным комплексом аксаковского имения. Начали, разумеется, с дома, вернее, с того места, на котором дом стоял еще пятнадцать лет назад. Ну, школа как школа. Нас водил по ней завуч Андрей Павлович Товпеко. Столы, классные доски, коридоры — все как полагается в новой школе. Можно ли возражать против школы, да еще такой хорошей и новой? Но все же, но все же почему «вместо», а не «вместе»? Тем более что тут-то, во время этой экскурсии, Андрей Павлович и поведал, что неразумно было строить школу на старом фундаменте, что прямоугольник старого фундамента ограничил габариты школы и ее внутренние помещения теперь стеснены. Но окна школы смотрят в ту же сторону и открывается из них тот же обзор местности, что открывался глазам Сережи Аксакова сто семьдесят лет назад. Из-за одного этого надо было походить по школе и посмотреть через ее окна на бывший парк, на реку и дальше, на голую красноватую Челябинскую гору.

Перед школой разбили скверик, причем для его разбивки был приглашен специалист из Еревана. Он сумел придать площадке перед школой тот скучноватый казенный вид, который имеют обыкновенно площадки перед конторами заводов, автовокзалов или заводских столовых. Только вместо неперменной в тех случаях Доски почета стояли здесь посередине сквера три надгробья из шлифованного гранита.

Как помним, эти надгробья не однажды фигурировали в разных бумагах, переписанных нами в эту статью, и, естественно, мы около них остановились. Они все три были приблизительно одинаковой формы. Ну как бы вам дать о них представление... Ну три этаких ларца на каменных подставках, то есть более горизонтальных и продолговатых, нежели вертикальных. На передних стенках выбиты письма. Научный сотрудник областного музея А. С. Попов не мог прочитать все надписи, но мы теперь их все-таки прочитали. Видимо, буквы, все избитые, искрошенные, удалось немного подновить и прояснить. Это были надгробья с могил отца писателя — Тимофея Сергеевича, матери — Марии Николаевны и брата — Аркадия Тимофеевича. Надгробья были расположены в ряд, одно возле другого, в середине сквера перед школой, где по привычной планировке можно было бы ожидать Доску почета. Я тотчас попросил Андрея Павловича Товпеко, чтобы он показал мне место самих могил. По свидетельству А. С. Попова, в 1968 году «на месте церкви, которая была построена отцом Сергея Тимофеевича в конце XVIII — начале XIX века, лежала куча щебня и мусора и рядом с ними валялись три надгробных плиты». Очевидно, что речь шла о них, об этих надгробьях, очевидно, что могилы находились рядом с церковью, что и подтвердил нам Андрей Павлович Товпеко.

— Около церкви стояла маленькая часовня, а под ней — склеп. Там и были похоронены родители Сергея Тимофеевича Аксакова. Пойдемте на площадь, я покажу вам это место.

Мы пришли на ровную, заасфальтированную площадку, обстроенную с четырех сторон низкими, из силикатного кирпича зданиями двух магазинов,

столовой и колхозного Дома культуры. Уже ни щебня, ни мусора тут не было. Равно как и признаков стоявшей некогда на той площади Знаменской церкви. Только при входе в Дом культуры вместо порога лежал большой полукруглый плоский камень, который никак не сочетался с силикатным кирпичом и шифером и был, очевидно, деталью старой церковной постройки. Возможно, он находился перед входом в алтарь. Ступив на него, мы прошли в Дом культуры и попали в небольшие белено-голубенькие низкие помещеньца, клетушки, натопленные до одуряющей духоты. В одной клетушке помещалась колхозная жиденькая библиотека. У девушки-библиотекаря мы спросили, какие книги Аксакова она у себя держит. Девушка, смутившись, ответила, что у них нет ни одной книги Аксакова.

— То есть как ни одной? Так-таки и ни одной? Хотя бы дешевенького издания?

— Ни одной.

За стеной раздавался какой-то громкий разговор, похожий больше на радио. Оказалось, что главную и большую часть Дома культуры составляет кинозал и что теперь там идет дневной сеанс. Мы заглянули на пять минут. Иностраный шпион убегал от наших разведчиков, то выпрыгивая на ходу из электрички, то снова впрыгивая в электричку. Мчались автомобили, опускались шлагбаумы, по рации переговаривались милиционеры. Одним словом, было ясно, что шпиону никуда не уйти.

Но все же мне хотелось точнее установить место склепа, и Андрей Павлович привел меня на ровную заасфальтированную площадку между Домом культуры, двумя магазинами и столовой к небольшому прямоугольному люку.

— Вот здесь и был склеп.

Я заглянул в отверстие и увидел, что верхняя часть его недавно отцементирована. Дальше в глубине ничего не было видно.

— Ну да, точно,— повторил Товпеко, оглядываясь.— Здесь стояла церковь, здесь была паперть, здесь часовня, а это — склеп.

— Но почему, если церковь и часовня сломаны, оставили среди площади эту дыру? Зачем?

— Приспособили. По идее, собирались там держать воду. Противопожарные меры. Резервуар. Председатель даже будет вам говорить, что они специально этот резервуар выкопали и соорудили. Но где вы видели такие резервуары хотя бы в одном селе или в городе? Приспособили склеп. А так как воды в нем никогда не бывает и пожаров пока, слава богу, не было в Аксакове с самого его основания, то магазины, в свою очередь, приспособили этот люк под мусор.

— Не может быть! Не поверю. Сейчас мы спросим.

Мимо шла женщина — колхозница лет пятидесяти. Я обратился к ней и стал расспрашивать, где была церковь, где часовня, где паперть. Женщина отвечала и показывала с точностью до метра.

— А это? — показал я на дыру.

— Здесь они были похоронены. Мать, отец. Теперь около школы... Камни... может, видели...

— Зачем же эта дыра?

— Из магазинов мусор выбрасывают.

Мое представление о парке как об огромной перепутавшейся мочалке совпало с поразительной точностью. Только несколько древних кургуzych лип

создавали в одном месте подобие аллей. Все остальное пространство заполонил разросшийся кустарник, сдобренный еще и высокими травянистыми растениями, теперь засохшими и колючими.

Товпеко пытался мне втолковать, где были садки для рыбы, где была беседка, где парковый прудик, в котором плавали (будто бы!) лебеди, но вообразить ничего этого было теперь нельзя. Из парка, продираясь сквозь кусты и колючки, мы подошли к мельничному пруду, уже подернутому ледком. На льду было во множестве набросано камней и палок. Мы тоже, бывало, мальчишками бросали вскользь, у кого дальше проскользит и укатится. Показали мне и место, на котором стояла девять лет назад сгоревшая мельница Аксаковых.

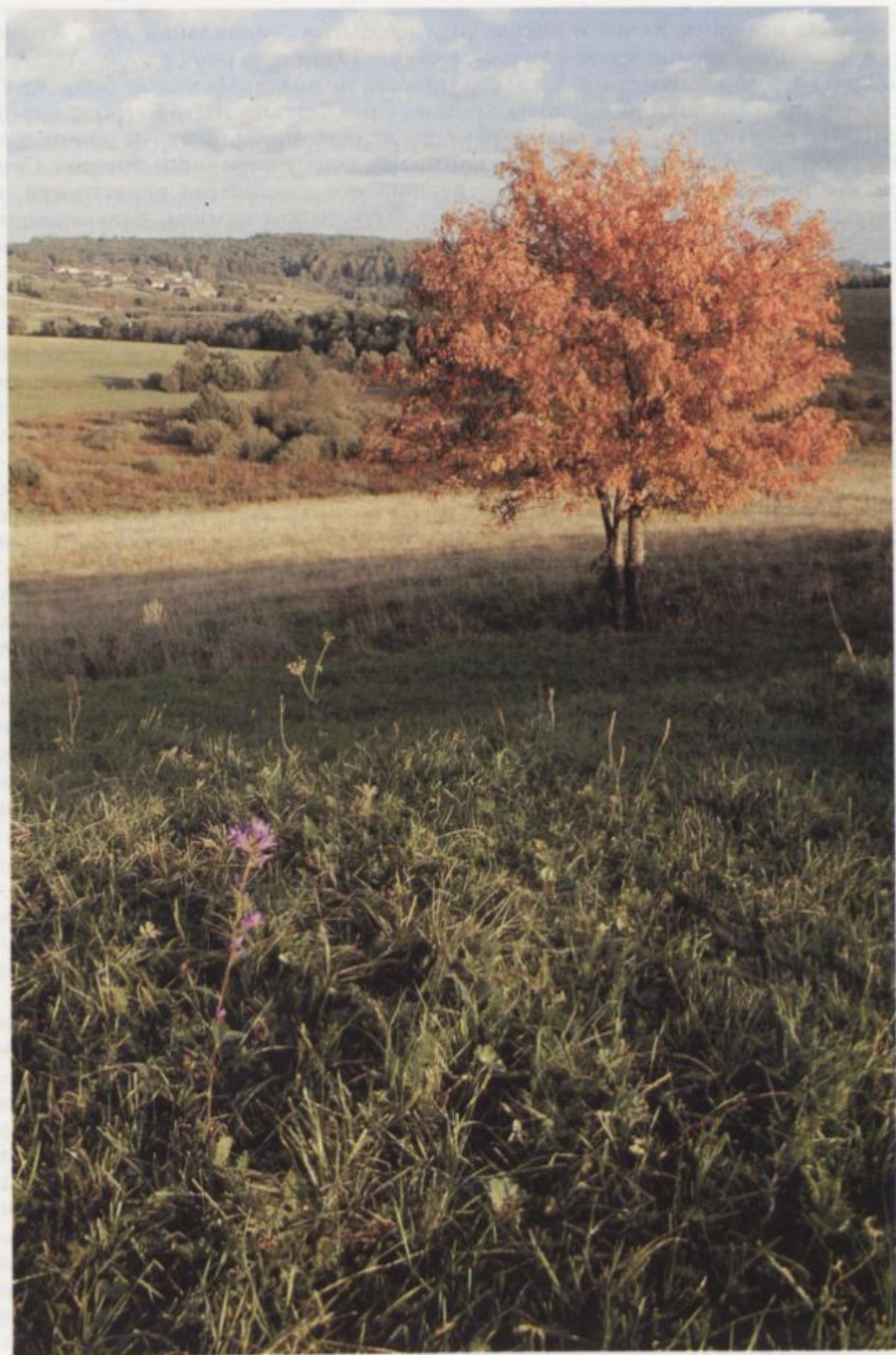
Теперь нам оставалось посмотреть на то, что было все же сделано для увековечения памяти писателя. Ну, о сквере и о тех надгробьях, поставленных там в рядок, мы уже говорили. В самом начале сквера установлен в 1971 году (сто восемьдесят лет со дня рождения) памятник Сергею Тимофеевичу. Большой и тяжелый бюст, покоящийся на еще более тяжелом постаменте, а лучше сказать, на грубой прямоугольной бетонной чушке. Если сквер был поручен специалисту из Еревана, то памятник был заказан почему-то в Грузии и устанавливался (есть подробный рассказ об этом Тамары Александровны Лазаревой) спешно, ночью, в холодный дождь, при раскисшей земле и пронзающем ветре. Но как бы то ни было, памятник в сквере стоит.

Сбоку от сквера, в уцелевшей подсобной постройке, отремонтированной и покрытой шифером, располагается школьное общежитие. У этого общежития взяли одну комнату площадью метров пятнадцать и превратили эту комнату в музей Сергея Тимофеевича Аксакова. Милая девушка Галя, башкирка по национальности, единственная штатная единица этого музея. Она старательно развесила по стенам комнаты фотографии (копии с копий), расплывчатые и зернистые, присланные сюда из подмосковного музея в Абрамцеве. Родители писателя. Вид дома. Вид мельницы. Вид села. Перефотографированные титульные листы некоторых книг Сергея Тимофеевича. Вещей, разумеется, никаких. Особенно растрогала меня одна Галина выдумка. Она согнула белые листы бумаги, чтобы они были похожи на корешки книги, и написала на этих «корешках»: Тургенев, Гоголь, Толстой... То есть имитировала книги писателей, с которыми Аксаков был близок в жизни. Эти «корешки» она расставила как бы на книжной полке.

Насколько я понял, идет борьба (у кого с кем?), чтобы отобрать у школьного общежития под музей если не все это боковое здание, то хотя бы еще одну комнату. Тогда Галя получит возможность развесить еще десятка два фотографий.

...Между тем вот-вот должен был приехать с сессии райисполкома председатель колхоза «Родина» Иван Александрович Марков. Признаться, я с большим интересом ждал этой встречи. Мне хотелось посмотреть на человека, который лично сломал дом Аксакова. В районе о нем дали самую лестную характеристику. Прекрасный хозяин. Выполняет все планы. Вовремя сдает продукцию. Строит колхозникам новые дома. Построенный новый дом под контору колхоза отдал больнице. Дважды награжден орденами — орденом Ленина и орденом Октябрьской Революции. Держит у себя переходящее Красное знамя. Множество грамот и поощрений.

Все это как-то не сочеталось одно с другим: прекрасный человек — и вдруг сломал дом Аксакова. А склеп, приспособленный под резервуар? А сгоревшая мельница и запущенный пруд? И заросший парк, и колхозная библиотека, в которой нет ни одной книги Аксакова?

За исходную точку в оценке этого события (ликвидация дома Аксакова) я взял одно умозрительное предположение. Поднять руку на дом Аксакова мог только человек, который Аксакова никогда не читал. Не может быть, чтобы человек, прочитавший «Семейную хронику» и «Детские годы Багрова-внука», невольно вжившийся в ту эпоху, близко познакомившийся с героями этих книг, то есть с обитателями аксаковского дома, сопереживавший вместе с Сережей все радости его детства, посмотревший его глазами на окрестности, на природу вокруг, короче говоря, не может быть, чтобы человек, прочитавший, а значит, и полюбивший Аксакова, мог поднять руку и сломать подлинный (подлинный!) дом писателя.

Как близок локоток! Еще пятнадцать лет назад подлинный дом был цел и все еще было поправимо. А теперь приходится обращаться в Абрамцево — не пришлют ли хотя бы фотографию дома или воспоминания о нем и словесные описания. И все зависело от воли одного человека, и этот человек проявил по отношению к дому недобрую волю, и дом тракторами растащили по бревнышку. Значит, человек этот Аксакова не читал и действовал по слепоте, не ведая, что творит? Такова была моя умозрительная посылка.

Каково же было мое удивление, когда во время разговора Иван Александрович начал сыпать цитатами из «Семейной хроники», из «Записок об ужении», из «Записок ружейного охотника». Но сначала мы, конечно, поздоровались, познакомились, когда председатель вышел из машины и, улыбаясь, пошел к нам, стоящим и ожидающим его на площади возле магазина. Время было уже четыре часа дня, мы ничего не ели с утра, поэтому председатель, как действительно хороший хозяин, сразу перешел к вопросу об обеде. Обед, оказалось, уже дожидается нас в доме секретаря партийной организации. Причем обед горячий (жирные огненные щи со свиной), а также с «огоньком» — с закуской, изобретенной и бытующей в тех местах. Они пропускают через мясорубку в равном количестве хрен, чеснок и спелые помидоры. Получается жидкая острая еда, прозванная «огоньком». Ее подают на стол в миске и едят ложками. За щами, за этим «огоньком» беседа лилась рекой. Тут-то и выявилась начитанность Ивана Александровича Маркова. От прямых ответов и моих прямых вопросов он, впрочем, ловко увиливал.

— Да, выделяли средства, но тогда не нашли возможным...

— Да, лежало кровельное железо, но тогда не нашли возможным...

— Дом был аварийный. У него чердак и верхний этаж набивало снегом, а снег потом таял... Сами понимаете... Детишки лазают, долго ли до беды. Сорвалась бы тяжелая балка...

— Разве нельзя было вставить стекла, чтобы этаж не набивало снегом?

— Тогда не нашли возможным... Да что вы все с этим домом да домом?

Вы лучше посмотрите, какую мы на этом месте школу построили!

Председатель был человек лет пятидесяти, рыжеватый, с красноватым, как бы веснушчатым лицом, упитанным и даже слегка самодовольным. Дела идут хорошо, начальство хвалит, дают ордена и грамоты... Вот только чего они все пристали с этим Аксаковым? Ну, жили помещики, баре, молиться, что ли, теперь на них? Туристы эти тоже... ходят летом большими группами, делать им нечего... Их бы всех в колхоз, картошку копать...

Такие грубоватые мысли я приписывал председателю в первые полчаса нашего знакомства, пытаясь понять его психологию и мотивы его поведения. Но конечно, когда он сам начал наизусть шпарить целыми периодами из «Семейной хроники», мне пришлось переменить свое мнение. Тем большей загадкой становилась для меня, скажем так, помягче, индифферентность этого хозяина села к аксаковским памятным местам, ко всему этому, пользуясь

языком документов, мемориальному комплексу. Уже и щи были съедены, и «огонек», а я так ничего и не понял в побуждениях и действиях этого человека.

Мой вывод состоит в том, что никакой загадки тут нет и что председатель колхоза отнюдь не злоумышленник, а действительно хороший хозяин и, вероятно, неплохой человек. Я не утверждаю этого категорически только потому, что знакомство наше было слишком кратким и я не успел узнать этого человека шире, глубже, основательнее для более категоричного утверждения его человеческих и душевных качеств. Допустим, что он даже очень хороший человек.

Но он председатель колхоза со всеми вытекающими отсюда последствиями, а вовсе не краевед-энтузиаст, не блюститель старины, не председатель местного Общества по охране памятников архитектуры, не музейный работник. Председатель колхоза не обязан иметь широкие просвещенные взгляды на отечественную культуру, литературу в частности, особенно если дело касается прошлого нашей культуры и литературы. Картофелекопалка не обязана одновременно сажать цветы. Это не ее функция. Она для этого не приспособлена конструктивно. А если была бы приспособлена, то, вероятно, плохо делала бы свое основное дело.

Опять же я не хочу обижать огромную армию председателей колхозов, добросовестных и старательных тружеников, становящихся, кстати, все более культурными и образованными. Просто — другие функции. В колхоз поступают телефонные звонки и бумаги, требующие показателей и цифр (а значит, продуктов сельского хозяйства), председатель в ответ на эти требования дает показатели и цифры. В эти два встречных потока не уместится такое понятие, как мемориальный комплекс. Ему негде там поместиться. А так как выполнение показателей и цифр требует повседневного напряжения как рядовых колхозников, так и самого председателя, так как это напряжение не оставляет «люфта» для занятия побочными делами вроде приведения в порядок парка, пруда, мельницы (которая может нести теперь только декоративную функцию), естественно, что председатель воспринимает эти побочные дела лишь как досадную помеху и отвлечение от основных повседневных и неотложных колхозных дел.

Для того чтобы подтвердить правильность этого вывода, доведем мысль до крайности и воспользуемся математическим методом доказательства от противного. Есть такой метод в математике для доказательства теорем. Например, когда хотят доказать равенство двух углов, говорят: «Предположим, что углы не равны, тогда...» Тогда получается абсурд и сразу становится очевидным, что эти углы равны. Упрощаю, но в принципе верно. Итак, доказательство от противного. Спрашивается: можно ли передать на содержание ближайшему колхозу Ясную Поляну? Михайловское? Тарханы? Мураново? Спасское-Лутовиново? И что произошло бы, если бы весь мемориальный комплекс толстовской Ясной Поляны перешел бы в ведение и, так сказать, на баланс местного колхоза? Там ведь, кроме парка, — подлинный толстовский дом. Библиотека, старая мебель, зеркала, паркетные полы, рояль, картины, живые цветы в доме, подлинные толстовские вещи. Это ведь все нужно содержать в полной сохранности. Это требует целого штата сотрудников, сторожей, истопников, полотеров, толстоведов, экскурсоводов и садовников.

Допустим далее, что колхоз напрягся бы и все бы там в Аксакове сделал. Нашел бы один миллион рублей, значащийся в проектной смете (или пусть дали бы ему эти деньги в области), и снова построил бы дом, привел бы в порядок парк и пруд, восстановил бы мельницу. А дальше? Без целого штата

сотрудников, специалистов музейного дела все опять начало бы очень быстро зарастать, ветшать, терять благопристойный вид, приходить в негодность. Без повседневного и внимательного содержания мемориального комплекса, требующего, в свою очередь, повседневных материальных затрат, дело обойтись не могло бы.

Согласимся же, что вовсе это не дело колхоза — повседневно содержать большой и хлопотный мемориально-литературный комплекс. Тогда можно будет понять инстинктивное почти стремление председателя колхоза отпихнуться от навязываемых ему аксаковских дел и как можно радикальнее и прочнее от них избавиться. Как человека, читавшего Аксакова, можно за это Ивана Александровича Маркова осуждать, как председателя колхоза — едва ли.

Таким образом, если мы хотим сохранить, а теперь уж фактически восстановить аксаковский комплекс, нужно поставить дело на государственную, всесоюзного значения основу. Нужно поставить этот мемориальный комплекс в один ряд с упоминавшимися: Ясной Поляной, Тарханами, Спасским-Лутовиновом, Мурановом, Михайловским. Можно добавить сюда Карабиху, Поленово или хотя бы то же Абрамцево под Москвой.

Тут-то вот и могут сказать: «Есть уже один аксаковский комплекс — Абрамцево. Не довольно ли?»

Но, во-первых, оттого, что у нас есть три чеховских мемориальных комплекса, никто пока не страдает. Дом-музей в Москве, Дом-музей в Ялте и Дом-музей в Мелихове.

Во-вторых, Абрамцево уже более мамонтовский (васнецовский, врубелевский, серовский, поленовский, коровинский) комплекс, нежели в чистом виде аксаковский.

В-третьих, самое главное. Абрамцево расположено под Москвой, где много по соседству других музейных, туристических, экскурсоводческих мест. В бугурусланских же, в оренбургских степях аксаковский комплекс был бы один на пятьсот километров вокруг как единственный и необходимый для тех мест опорный очаг культуры, притягивающий к себе и школьные экскурсии, и вольные туристические группы, сочетающий в себе элементы и просвещения, и воспитания любви к родной природе (воспитание патриотизма), и даже отдыха. Я противник строительства турбаз около литературных памятных мест, но там, в оренбургской отдаленности и, так сказать, безмузейности, можно было бы пойти даже на организацию туристической базы, тем более что прекрасный пруд, будь он вычищен, и сама речка Бугуруслан, и парк, приведенные в порядок, и окрестные перелески располагали бы к здоровью и в то же время культурному отдыху.

Если же мы считаем, что Аксаков как писатель, как литературно-историческое явление недостоин, чтобы его памятное место было поставлено в один ряд с памятными местами Тургенева и Тютчева, Толстого и Некрасова, Лермонтова и Пушкина, Поленова и Чехова, и что село Аксаково может быть лишь литературным памятником местного значения, на балансе колхоза, района (а пусть хоть и области!), то лучше сразу прекратить об этом все разговоры, все переписки, решения, постановления, акты обследования, проекты и сметы. Многолетняя и бесплодная история разговоров, проектов, решений, актов и смет подтверждает правильность этого печального вывода.

Моя поездка в Аксаково не могла, как видно, закончиться без одного пронзительного мотива, связанного с природой. Это произошло, когда поезд уже тронулся. Я стоял у окна в проходе вагона и смотрел на бегущие мимо

холмы и доли. Между прочим, все еще стояла осень, все еще не слышалось прямого и откровенного дыхания зимы, но поезд (дальний, карагандинский) пришел к станции Бугуруслан с заснеженными подножками, и снег этот уже не таял. Через золотые осенние земли западного Оренбуржья так и везли мы на подножках поезда в Москву мелкий въедливый снежок карагандинских степей.

Тут рядом со мной около другого окна остановился пассажир-попутчик. Мы стояли у двух разных окон, а смотрели в одну и ту же сторону.

— Аксаковские места! — сообщил мне попутчик. — Здесь у него были и все охоты, и все рыбалки.

— Дичи было много, да и разного зверья, а теперь поубавилось.

— Зверя и дичи везде поубавилось. Двадцатый век. Но знаете ли, какое в прошлом году произошло в Аксакове чудо?

— Ну?

— Пара лебедей завелась было на пруде в Аксакове. Прилетели весной и остались здесь выводить птенцов. Что уж их сюда привело? Может, дальняя память какая. Через эти... гены что-нибудь передалось? Может, их предки водились когда-нибудь здесь, а в крови у потомков и проснулась память об этом месте. А ведь если бы они вывели птенцов, то птенцы уж прилетели бы сюда на другой год как на родину. Обязательно прилетели бы. Так, глядишь, и прижились бы здесь лебеди. Украсили бы пруд и вообще, так сказать, пейзаж. Это же красота, если на пруду плавают дикие лебеди! И Аксакову тоже бы вроде памяти было, как ценителю и певцу природы.

Собеседник замолчал, и я осмелился спросить у него через минуту-другую:

— Что же, лебеди? Почему не прижились?

— Почему, почему... Снесли они два яйца и стали их насиживать. А яйца эти у них кто-то стащил. Может, мальчишки. А то и взрослый охотки на руку не положит. Огромные яйца, крупнее гусиных. Ну и улетели они сразу с пруда, больше уж не показываются. А жаль...

— Конечно, жаль, — подтвердил я. — Разве плохо — лебеди на пруде? Вот я слышал в других странах: в Польше, Чехословакии, Германии, будто лебеди там запросто плавают по озерам. Народ вокруг, население, а они плавают с лебедятами.

— Я вот что скажу: сами же мы и виноваты. Недостойны мы, как видно, своим поведением, чтобы у нас лебеди плавали. Не заслужили. Лебедей — это, брат, заслужить надо...

Поезд шел, быстро сгущались сумерки. Надо было идти в вагон-ресторан ужинать. Моя поездка в аксаковские места подошла к концу.

